

когда онъ знаетъ, что для самой церкви Божіей продаются свѣчи и масло, состоящія изъ всякихъ смѣсей, даже сала животныхъ и т. д.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Автобіографія Юрьевского архимандрита Фотія.

Архимандритъ Фотійъ является одною изъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ личностей XIX вѣка. За нимъ навсегда останется значеніе выдающейся личности по одному тому уже, что онъ былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ того переворота въ русской религіозно-общественной жизни, какимъ ознаменована вторая половина царствованія Александра I. Для Новгородской епархіи личность архимандрита Фотія особенно памятна и не только потому, что здѣсь была его родина, здѣсь ему дано было первоначальное воспитаніе и общее образованіе, но и потому, что здѣсь онъ провелъ всю свою жизнь, отсюда развивалъ свою дѣятельность и здѣсь оставилъ послѣ себя блестящій памятникъ, свидѣтель предъ потомками его славы, — возобновленный Юрьевскій монастырь, который по всей справедливости нужно признать роднымъ дѣтищемъ архимандрита Фотія.

Какъ и всякая другая замѣчательная историческая личность, Фотійъ нашелъ себѣ въ литературѣ и защитниковъ и противниковъ; но тѣ и другіе писатели одинаково признаютъ его замѣчательною личностью, хотя довольно неразгаданною; при этомъ одни удивляются его религіозной настроенности, строгому и суровому аскетизму, глубокой и беззавѣтной преданности православію, другіе — силѣ его воли и характера, несокрушимой энергіи, смѣлости поступковъ, стойкости убѣжденій, умѣнью словомъ и примѣромъ располагать другихъ къ себѣ и вдохнуть въ нихъ мужество, необходимое для поддержанія извѣстныхъ убѣжденій. Иныхъ поражала церковно-общественная дѣятельность Фотія, именно то, что онъ, будучи молодымъ монахомъ, возсталъ одинъ почти противъ приверженцевъ такъ называемой внутренней церкви, когда все сильное въ столицѣ было на сторонѣ этихъ

лицъ. Онъ выступилъ обличителемъ сектъ, которымъ покровительствовалъ сильный А. Н. Голицынъ, и боролся до тѣхъ поръ, пока не достигъ низложенія Голицына, хотя и самъ прежде того подвергся высылкѣ изъ Петербурга. Какъ историческій дѣятель, Фотій не хотѣлъ вступать въ сдѣлку, не хотѣлъ выжидать, пока пріобрѣтетъ себѣ сторонниковъ. Онъ говорилъ и дѣлалъ въ пользу православія то, что могъ. Онъ былъ человекъ борьбы, борьбы упорной, продолжительной, горячей и до тѣхъ поръ не прекращалъ ея, пока не одержалъ верхъ. Наконецъ, многіе изъ современниковъ и ближайшихъ свидѣтелей жизни и дѣятельности его въ Юрьевѣ монастырѣ, съ восторженнымъ чувствомъ описывали дѣятельность о. Фотія, какъ возстановителя древняго чина иноческой жизни, какъ любителя пустыннаго житія скитскихъ отцовъ, какъ усовершенствователя церковнаго цѣнія и устроителя благолѣпія Юрьева монастыря. Обращающіеся съ нимъ иноки проникнуты были глубокимъ почтеніемъ и даже, можно сказать благоговѣніемъ къ своему священно-архимандриту. Вмѣстѣ съ этими лестными отзывами объ о. архимандритѣ Фотіи, — высказывались и противоположныя о немъ мнѣнія; при этомъ одни указывали на недостатокъ и односторонность образованія о. Фотія, и на болѣзненный складъ его характера, другіе на его честолюбіе, заносчивость и холодную суровость въ отношеніи къ другимъ; третьи находили въ немъ черты фанатизма, суевѣрія, лицемѣрія и т. п. Но все вообще писатели согласны въ томъ, что личность о. архимандрита Фотія заключала въ себѣ нѣчто странное и непонятное и остается неразгаданною сполна и до настоящаго времени. Еще при жизни о. Фотія взгляды на него современнаго русскаго общества расходились до діаметральной противоположности. Даже одна и та-же семья расходилась иногда во взглядѣ на личность о. Фотія. Такъ, на примѣръ, князь Сергѣй Александровичъ Ширинскій — Шахматовъ, служившій воспитателемъ морскаго корпуса и своими глазами наблюдавшій борьбу Фотія съ его противниками, съ величайшимъ благоговѣніемъ относился къ о. Фотію, котораго онъ называлъ „свыше избраннымъ благодатію Божіею“, а управляемый имъ Юрьевъ монастырь — хранилищемъ церковнаго православія, тогда какъ два старшіе его брата Павелъ и Алексѣй Александровичи Ширинскіе — Шахматовы, жившіе въ деревнѣ, подъ Москвою, и полу-

чавшіе смутныя и отрывочныя свѣдѣнія о происходившемъ въ столицѣ религиозно-общественномъ движеніи, усвоили взглядъ на Фотія, какъ на противника церкви, а управляемый имъ монастырь называли гнѣздомъ раскола или даже еретичества. Въ виду всѣхъ этихъ недоумѣній въ личности о. архимандрита Фотія, а также и вслѣдствіе особеннаго значенія и извѣстности его имени въ Новгородской епархіи думаемъ, что для Новгородскаго духовенства будутъ не безъинтересными нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о немъ, извлеченныя нами изъ автобіографіи о. Фотія, печатающейся нынѣ въ журналѣ „Русская Старина“. *)

Автобіографію или записки о своей жизни Фотій составилъ незадолго до своей кончины, именно въ 1834—1835 гг. Свои записки о. Фотій диктовалъ одному священнику о. Орнатскому, который записывалъ ихъ на-черно, а на-чисто переписывалъ ихъ другой священникъ о. Николай Львовъ.

Какъ видно изъ предисловія, записки написаны по усердной просьбѣ графини А. А. Орловой—Чесменской, (дочь графа Алексѣя Григорьевича Орлова—Чесменскаго, родившаяся 2-го мая 1785 г. и около 1820 г. сдѣлавшаяся духовною дочерью о. Фотія; впослѣдствіи она поселилась вблизи Юрьева монастыря, въ которомъ и скончалась 5 октября 1848 года, Она погребена въ нижней церкви Похвалы Пресвятыя Богородицы рядомъ съ архимандритомъ Фотіемъ).

Общій тонъ автобіографіи—скорбный; въ предисловіи къ ней говорится, что здѣсь будетъ повѣдано не о подвигахъ, но о горькомъ бытіи и слезномъ житіи временномъ о. Фотія въ младенчествѣ, юношествѣ и лѣтахъ мужества, объ его униженіи, нищетѣ, крайней презрѣнности житія и состоянія, даже въ превозносимомъ священномъ санѣ архимандрическомъ. „Родився онъ“ повѣствуется въ предисловіи, во дни многосемейнаго отческаго дома, составленнаго изъ самыхъ старыхъ и малыхъ, возрасталъ со слезами, вся лѣта въ наученіи проводилъ въ слезахъ, и по смотрѣнію Вышняго, вступилъ въ монашеское, ангелоподобное званіе, гдѣ онъ столько своего рода слезъ имѣлъ и горестей, что была слезы его ему хлѣбъ день и ночь. (Ис. 41 ст. 4). Отъ младенчества въ сиротствѣ, при воспитаніи въ бѣдности

*) Сдѣлать полную перепечатку автобіографіи о. Фотія редація Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей не можетъ, вслѣдствіе очень большого ея объема. *Ред.*

крайней и достигши званія и состоянія равно-ангельнаго священнаго, подвижническаго, Христа ради за вѣру и св. церковь много пріялъ онъ искушеній и скорбей до конца своего житія на землѣ. Онъ прилежалъ угождать не человѣкомъ, но Богу и искалъ царствія Его и правды. (Мѡ. VI, 33)

ГЛАВА I.

О родѣ и домашнемъ воспитаніи.

Отъ сотворенія всея твари и первозданнаго Адама, лѣта 7300, а отъ воплощенія Бога Слова, 1792, іюня 7-го дня въ постъ Святыхъ апостоловъ Петра и Павла въ воскресенье, въ царствованіе императрицы Екатерины II, Новгородскаго уѣзда Спасскаго погоста у чтеца Никиты родися сынъ Петръ. Рожденіе же тако бысть: отставный чтець Θεодоръ, отъ многихъ лѣтъ одержимый будучи недугомъ лютымъ отъ бѣса [что называютъ врачи надучею болѣзнію, по невѣрію своему], отъ житія сего на вѣчное волею Божіею преставился. Сынъ же его былъ чтець церкви Преображенія Господня въ томъ же Спасскомъ погостѣ. Въ то время домъ сего чтеца Никиты составляли: жена его Евфимія; бабка его престарѣлая около ста лѣтъ Татіана; мать его Екатерина, убогая, не владѣвшая перстами своихъ рукъ; отца его сестры дѣвицы юныя: Татіана, Марія и Ирина. Отець его и всѣ въ домѣ отца плакали, рыдали о смерти дѣда, благочестіемъ, кротостію и смиреніемъ извѣстнаго; собирались издавеча свойственники, знаемые, и такожде сорыдали; женѣ его Евфиміи, которая была непраздна, уже приближался часъ родить ей. Время же было жаркое лѣтнее. Жена же его слабая здравіемъ, болѣзненная, чувствуя болѣзни, яко приходитъ часъ родить ей, для совершеннаго своего сокрытія отъ очей всѣхъ, изыде тайно изъ мѣста плача и отъ гроба, сокрылась въ скотскій хлѣвъ во дворѣ своемъ. Болѣзненная Евфимія, какъ сокрылась въ скотскомъ хлѣвѣ, въ той часъ возымѣла большую скорбь отъ болѣзней рожденія; и взяла мало соломы, послала подъ себя среди хлѣва, гдѣ насталь часъ родить ей. Не вѣдая, како отъ болѣзней рожденія избавиться ей, и

скорѣе родити ей, повѣсила веревку во хлѣвѣ, сдѣлала изъ нея петлю, и чрево увязаючи, хотѣла тако висяще помощь сдѣлать своему рожденію; на сей часъ подоспѣла Марія тетка, и видящи дѣло странное, но не зная что сіе есть, почто матеръ въ веревкѣ вѣшается, въ ужасѣ спасая ее, какъ отъ бѣды, схватила ее въ объятія свои, исторгая изъ веревки, и въ той часъ родися отъ утробы матери младенецъ, изшедъ изъ нея. По полудни яко о часѣ третіемъ роди его, третіяго младенца, тѣмъ къ большей радости супругу своему, что прежде родившіяся чада Матѣй и Ксенія не жили, а вскорѣ умирали послѣ рожденія своего.

Когда совершилась память по умершемъ, чтець Никита звалъ священника Іоанна, и той крестилъ Св. крещеніемъ младенца рождшагося, и наречено во Св. крещеніи, при всѣхъ сродникахъ, по желанію отца и матери, было ему имя Петръ, во имя святаго Петра Аѳонскаго, празднуемаго 12-го іюня. Когда же Евфимія мати носила Петра во чревѣ своемъ, весьма сохраняла себя, часто чрево свое и зачатое въ немъ крестила рукою своею, когда чувствовала внутри взыграніе или болѣзнь.

По крещеніи младенецъ Петръ возрасталь; отецъ же, чтець, вскорѣ посвященъ бысть во діакона. По Петръ въ мартѣ 1794 года, въ санѣ діаконскомъ, родила Евфимія жена ему другаго сына, и нарѣчено бысть тому во Святомъ крещеніи имя Евфимій¹⁾. По немъ родился отъ нея третій сынъ Іоаннъ; сей вскорѣ умеръ, и мати послѣ его рожденія содѣлалась такъ больна, что до смерти уже совершеннаго облегченія не имѣла. Мати Евфимія была хотя болѣзненная, но благоразумна, кротка, тиха, милостива, благочестива; и болѣе всѣхъ любила въ домѣ Марію, сестру мужа, которая и при рожденіи младенца Петра способствовала ей.

Чувствуя день отъ дня она болѣе ослабленія въ силахъ своихъ и предвидѣвъ смерть свою, просила сестру мужа Марію дѣвицу, когда не было въ домѣ его, привести тайно чадъ сво-

¹⁾ Упоминаемый здѣсь братъ Фотія Евфимій былъ впоследствии священникомъ въ Шегринѣ, не особенно далеко отъ Юрьева монастыря. Фотій покровительствоваъ своему брату, давалъ ему большія суммы денегъ, купилъ для него домъ. Графиня А. А. Орлова нѣкоторыхъ дочерей о. Евфимія выдавала замужъ на свой собственный счетъ. Письма Фотія къ брату и роднымъ. «Русскій Архивъ» 1871, кн. 1, стр., 239—255.

ихъ, милыхъ сердцу ея младенцевъ Петра и Евфимія. Петру было въ то время четвертое лѣто отъ рожденія. Евфимій же весьма младъ былъ и не смыслилъ вовсе глаголати. Когда на благословеніе въ другій домъ приведенъ былъ къ матери, лежащей лежащей на одрѣ, Петръ, возрѣвъ къ мѣсту одра, видѣвъ нѣчто дивное и яко свѣта сіяніе окрестъ ея бысть и чувствуя духъ благоуханія, со сладостію стоялъ и смотрѣлъ на мать свою вкуцѣ и на видѣніе пресладкое окрестъ ея; тогда не разумѣвъ онъ, что сіе есть, послѣ же познавъ самъ все повѣдалъ часто. Мати же его сѣдящи на одрѣ о силѣ Божіей, опираясь на возглавіе свое, пріяла образъ Знаменія Богородицы руками своими, и держащи говорила Петру: чадо мое возлюбленное, чадо мое милое, что ты стоишь, не идешь ближе ко мнѣ, къ матери твоей? Иль ты меня не любишь? Я знаю, о сладчайшее мое чадо, что ты меня любишь, и я тебя люблю; пріиди ты, солнце красное мое, радость моя, да благословляя благословлю ты во имя Отца, и Сына, и Св. Духа, и предамъ тебя въ руки Матери Божіей Царицѣ. Скоро, скоро ты не узришь меня, чадо мое, свѣтъ очей моихъ; во дни слезъ, плача родился ты; буди послѣ меня утѣшеніе отцу твоему во временномъ житіи, утѣшеніе и покой. Сіе глаголала, слезящи и болящи душею мати его, благословляя его; онъ же чувствуя несказанную радость, сладость, подошедъ сталъ близь ея, она же пріяла его въ объятія своя, знаменала крестообразно лице его, голову его образомъ Божіей Матери—Знаменія, дала ему лобызать оный, сама пѣловала его, и паки объемлюще его любовно, глагола, слезящи; чадо мое, чадо сладкое, ты вскорѣ не узришь меня, мать твою; и обратясь горѣ, воззвала рыдаючи: Мати Божія! Ты буди вмѣсто меня сыну моему, все уцваніе мое на Тя возлагаю, Мати Божія, сохрани его подъ кровомъ Твоимъ; обратясь же къ нему еказала: когда ты, чадо, будешь предъ Богомъ предстоять, не забуди меня, помани меня, мать твою, родшую тя, живи съ Богомъ, учися, молися Богородицѣ, Господь съ тобою буди; тамъ увижду тебя, когда ты пріидешь ко мнѣ. По семъ благословила и другаго сына Евфимія младенца, но мало говорила, такъ какъ не разумѣлъ онъ еще рѣчей. Петръ же не спускалъ очей своихъ съ матери своея. Къ Маріи же теткѣ она говорила: возлюбленная моя Марія! буди

ты сиротамъ вмѣсто меня матери, Богъ тебѣ воздастъ за нихъ. Петръ стоялъ у одра матери, и не хотѣй разстаться съ нею, говорилъ къ матери: куда ты идешь? возьми меня съ собою, мати моя; она же, слезящи, ему вѣщала: тебѣ нельзя со мною идти; я иду къ Богу, а тебѣ надобно жить; живи съ Богомъ. Благословивъ паки его со всею любовію горячею отъ слабости своея, жалости, преклонила главу свою на возглавіе; возлегла, велѣла взять отъ себя дѣтей обоихъ прочь, и ввести въ передній домъ; и Марія вывела ихъ за руки держащи. Послѣ приходилъ Петръ къ двери, толкалъ ее, гдѣ мать лежала, хотѣлъ внити къ ней, но не допущенъ былъ. Ему въ дому говорили, что ты будешь дѣлать, когда мати твоя умретъ? Кто тебя будетъ любить? Онъ же вовсе не хотѣлъ вѣровать, что мати его когда-либо умретъ и ихъ оставить безъ себя; а посему и говорилъ: что мати моя не умретъ; не дастъ ей Богъ умереть и меня оставить. Я ее такъ люблю, что не отпущу отъ себя.

Богу же угодно было матеръ Петра и Евфиміи взять скоро къ себѣ. Въ недѣлю Св. Пасхи съ четвертка на пятокъ скончалась она о часѣ девятомъ; дѣти же тогда яко младенцы спали на одрѣ съ занавѣсою; въ полунощи отъ сна воспрянувъ, вотъ Петръ видитъ, что занавѣса вовсе отвята, много огонь въ домѣ, свѣча горитъ возжжена у святыхъ образовъ, и отъ мѣста одра, гдѣ онъ спалъ съ братомъ, по всей стѣнѣ сидятъ сродники, знаеміи и всѣ печальны; и видя видитъ, что подъ святыми образами на десной сторонѣ дома къ церкви на востокъ лежитъ кто-то убранъ въ хоронее одѣяніе мертвъ; почему возбудилъ онъ тихо брата своего Евфимія, указывалъ, что самъ онъ видѣлъ. Родитель же его, видѣвъ воставшаго его отъ сна, подошедъ къ къ нему, говорилъ со слезами жалостно весьма: чадо мое Петре, иди, простися съ матерію твоею; ея уже нѣтъ на свѣтѣ; душенька ея улетѣла къ Богу въ руки. Взявъ его на руки свои, принесъ, посадилъ на перси тѣла матери умершія, лежащія, и слезя сказалъ: чадо мое Петре! простися съ матерію послѣдній разъ и цѣлуй ее; мати твоя умерла; онъ же младенецъ не хотѣлъ вѣрить родителю, что мати его умерла, и объемля тѣло радостно смотря на лице ея свѣтлое, бѣлое, кликалъ: мати, мати! ты жива; напрасно не хочешь поговорить; что ты не говоришь, не смотришь на меня? Или ты спишь? Или ты меня не лю-

бишь? посмотри на меня, мати моя; ты спишь, ты не хочешь посмотреть на меня; я здѣсь. И онъ дитя думалъ, что мати его жива воистину; но осязавъ, почувствовалъ, что все хладно около сердца ея, не тепло, не бѣется сердце матери, испугался и дивился, что матери сдѣлалось; и по слову отца облобызалъ мать, взять былъ съ персей ея и на одръ несенъ, гдѣ такъ жалость пронзила младенческое его сердце, что закрылся одѣянiемъ и плакалъ много, но тихо лежалъ подъ одѣянiемъ. Послѣ когда несено было тѣло матери въ церковь, и онъ просился туда же; дабы утѣшить его плачущаго, несенъ былъ и посаженъ въ гробъ ея въ время ея отпѣванiя тѣла; очей своихъ не опускалъ съ лица ея, и чаялъ, что мати его не встанетъ ли изъ гроба, дабы ему первому броситься къ ней порадоваться, лобзая ее и глаголя: Христосъ воскресъ! воистину воскресъ! По чину Пасхи Святыя тѣло ея отпѣто было скоро, и со звономъ колокольнымъ было предано земли. Не стерпя видѣть, что землею зарываютъ мать его, бросился онъ въ яму за матерiю, дабы зарыли и его вмѣстѣ съ нею. Послѣ же отъ жалости, когда память совершали въ домѣ по матери его, тогда не могъ быть безъ матери, не помню, какъ утаився отъ всѣхъ, ушелъ онъ на могилу ея, которая сажень 50 была отъ дому, никто не видалъ его, какъ онъ въ одной бѣлой срачицѣ прибѣжавъ палъ на могилѣ матери, обьялъ мать сыру землю, растянувся на ней, рыдалъ и во слезахъ весь уснулъ, тутъ омертвѣвъ отъ хлада, такъ какъ въ то время въ одной былъ срачицѣ, а время было весеннее, апрѣль мѣсяцъ въ исходѣ; долго его искали въ дому всюду, когда пришли на могилу матери посмотреть, нѣтъ ли на ней, и нашли его всего въ слезахъ уснуващаго, взяли, принесли яко мертваго въ домъ; всѣ были въ ужасѣ о немъ, дабы не умеръ онъ съ печали по матери, старались его всячески обогрѣть, въ чувство привести и утѣшить, что мати его въ раю у Бога, скоро встанетъ, и онъ увидитъ ее. Отъ чего онъ много утѣшился и надеждою веселился. По смерти матери изъ памяти не выпускалъ Петръ ее. Непрестанно желая мать видѣть, онъ сидѣлъ на томъ мѣстѣ у окна, гдѣ подъ святыми образами лежало тѣло ея, смотрѣлъ въ окно къ церкви, по цѣлымъ днямъ и многимъ часамъ, ожидая, не изыдетъ ли изъ гроба она, а особенно когда приходилъ

день воскресенія Господня. Спрашивалъ у отца и родныхъ: скоро ли она будетъ? не идетъ ли она? Чувства въ немъ глубокія остались по смерти матери къ ней такъ, что не могъ забыть никогда несказанные для него ея знаки матернія нѣжности, любви сладостныя; хотя тогда младенецъ онъ былъ, когда мати его жила, и когда умерла, но помнитъ многое; и во всю жизнь свою отъ смерти матери своея доселѣ не могъ забыть любви къ себѣ матернія; лишь помянетъ любовь ея сладчайшую, возжелѣннѣйшую паче всего на свѣтѣ, весь исполнялся несказанныя сладости, отъ того едина память о любви матери, редшею его, исторгла токи слезъ изъ очей его, и блаженными считалъ онъ всѣхъ чадъ, имѣющихъ въ живыхъ матеръ. Въ тѣ лѣта, когда мати жива была, не помнитъ, что отецъ съ нимъ говорилъ, дѣлалъ, а матеръ свою помнитъ, память ея изъ ума у него не выходитъ; чувство самое священное, сладостное, онъ имѣлъ во всю жизнь, во всѣхъ скорбяхъ своихъ память того видѣнія и сіянія, какое онъ видѣлъ въ часъ, въ онъ же она благословила его предъ смертію образомъ Пресвятыя Богородицы.

По смерти матери своея остался Петръ трехъ лѣтъ отъ рожденія десяти мѣсяцевъ и девятнадцати дней, а меньшій братъ Евфимій весьма малъ, яко двухъ лѣтъ и одного мѣсяца.

Отецъ его по смерти жены своея младъ остался во вдовствѣ, около 25 лѣтъ. Домъ его былъ изъ осьми человѣкъ самыхъ старыхъ, младыхъ и младенцевъ. Не было человѣка такого, который бы могъ питать, одѣвать дѣтей его. Родитель былъ весьма благъ, праводушенъ и честенъ, не хотѣлъ оставить чадъ своихъ безъ воспитанія добраго, и самъ въ юности быть въ преткновеніе къ другимъ, домъ же приводитъ до конца въ разстройство. Скончевался почти годъ по смерти матери; скорбь о воспитаніи должномъ чадъ своихъ безпокоила его. По совѣту благочестивыя бабы, и матери своей, помыслилъ оставить санъ діакона, паки ожениться ради воспитанія чадъ своихъ сирыхъ. Взялъ ихъ младенцевъ, престарѣлыхъ оставивъ въ домъ убогихъ совершенно, привезъ въ зимнее время въ Новгородъ, представилъ архіерею своему *). Ожидая въ домъ предстать предъ лице

*) Это былъ епископъ старорусевій, Викарій Новгородской епархіи, Досиеей (Ильинъ), хитрописанный 25 марта 1795 года изъ архимандритовъ Новгородскаго Антоніева монастыря, съ 26 октярбл 1798 года епископъ Орловскій; 4 июня 1817 г. а старостію былъ уволенъ на покой въ Чолнскій монастырь; умеръ 6 июня 1827 г.

святаго владыки, съ моленіемъ пустилъ младенца Петра изъ рукъ своихъ; ему же полюбилися кельи святителя, и удалився ушелъ онъ въ залъ, куда не смѣлъ взойти родитель, маніемъ звалъ его отецъ къ себѣ, дабы пришелъ къ нему, но той хотѣлъ въ окно видѣть, что дѣлается внѣ дома, не могій же достать отъ полу до окна главою, видѣть, ниже сползти на оное, дивился, какъ высоко; въ то время исходитъ въ простомъ одѣяніи святитель Христовъ сѣдъ, и полюбился ему. Дитя, схвативъ за колѣни его платъ, любовался смотря на него. Святитель же Божій, яко отецъ чадолюбивый съ ангелоподобною тихостію, свѣтлостію лица зря на него десницею взялъ за главу его и любезно держалъ. Подозвавъ родителя дьякона Никиту, спросилъ: твой ли сынъ? Отецъ его сказалъ, что сынъ его есть. Святитель милостиво сквозь слезы сказалъ: жаль мнѣ чадъ твоихъ, нужно воспитать ихъ въ добромъ состояніи. И по слезному прошенію его чадъ ради, устроилъ пастыръ, дабы отецъ, отложивъ санъ дьякона, и оставаяся чтецомъ при той же церкви Преображенія Господня, — вступилъ во второй бракъ. Господь, во благо устроя вся любящимъ его, устроилъ тако. Діаконъ-родитель остался чтецомъ и вступидъ во второй бракъ для доставленія добраго воспитанія дѣтямъ, оставшимся безъ матери. Взялъ въ супружество того же погоста свѣщеносца Прокопія старшую дочь гораздо старѣе себя дѣвицу Ирину, яко лѣтъ тридцати бывшую. Когда изъ церкви второбрачный веденъ былъ съ новою матерію въ домъ, со крестомъ шель священникъ напередъ и прочіе съ ними. Сказано было младенцу Петру: чадо! мати твоя воскресла, идетъ съ отцемъ изъ церкви Божіей; тогда дитя весьма возрадовался. Видѣвъ покровенное лице по обычаю отъ отца веденныя невесты въ домъ, желалъ видѣть, когда оное откроется. Сѣдя на столпѣ выше всѣхъ въ дому, главою до потолка досязая, не спускалъ очей своихъ, чтобы увидѣть лице своея матери. Внушаютъ ему, что она нѣсколько измѣнилась. Онъ же говорилъ, почто мать сдѣлалась нынѣ не мила, и какъ вошла, то его забывъ, любезно не хотѣла возрѣть на него, и за столъ ясти, пити сѣла прежде: сія ли мать есть истинная? Прежде всего къ сыну своему обращала она свою любовь, милѣе ей всего на свѣтѣ былъ сынъ ея. Когда сѣдя на столпѣ, зрѣлъ вся въ минуту поздравленія новобрачныхъ, вотъ снимается покрывало съ

новья матери и онъ видитъ, что не мати его родная, знаемая же ему дѣвица Ирина, и дивился много, зачѣмъ она пришла въ домъ. Послѣ всѣ гости какъ вышли изъ дому, новая мати въ знакъ любви своей обняла его, облобызала, дала поясъ красный изъ волны овчей, простаго холста бѣлый платъ, по краямъ шить безъ цвѣтовъ крестиками красными. Сіе весьма ему полюбилось. Ирина—новая мать, ходя и проходя мимо его, дѣлала дѣла свои домашнія, дитя же Петръ очи всегда въ лице ей пушаль, и ждалъ, воззреть ли новая мати съ любовію всею, какъ всегда смотрѣла на него мати его Евфимія, какъ родная прежде. Взирала на него новая мать, но не такъ часто. На любовь его она ни единожды тако, не воззрѣла мило, якоже всегда взирала родная мати Евфимія. Новая мати была благая жена, честная, благочестивая, но не такова, какова была родная: любила она чадъ, но не какъ своихъ родныхъ; тиха была, кротка, трезвенна, попечительна, но ища при всѣхъ совершенствахъ матерл новой Ирины, не можно было обрѣсти сердца какъ у рождшія, свѣтлаго ангелоподобнаго всегда лица. Ахъ! чувствительно по всему, что любовь матери рождшія ни съ чѣмъ сравнить не можно. Любовь Божія воплощенна въ любви матери рождшія, святыхъ, праведныхъ. и вся сладость, вся радость, вся утѣха, все блаженство младенцевъ, и ничто сравниться съ нею не можетъ земное.

Во время житія при новой матери младо отроча Петръ началъ чувствовать любовь родителя къ себѣ. Въ церковь Божію отецъ идяи къ божественной службѣ, бралъ его за правую руку, съ собою ведя, и приводилъ на гробъ матери у св. олтаря погребенныя; послѣ при созданіи новыя церкви, подлѣ самаго крыльца была ея могила, а нынѣ въ новомъ каменномъ храмѣ*). Молясь на гробъ матери, отрокъ, пріявъ благословеніе отъ нея, входилъ въ церковь Божію. При исходѣ изъ церкви не рѣдко на пути отецъ его останавливая, вручалъ св. просфору отъ олтаря, кою священникъ Іоаннъ давалъ; ему сіе было великое утѣшеніе и въ сладость. По сему исходяи изъ церкви,

*) Въ одинъ изъ пріѣздовъ о. Фотія на родину, крестьяне стали просить его объ устройствѣ у нихъ каменной церкви взамѣнъ существовавшей деревянной и ветхой. О. Фотій построилъ имъ на свои средства каменный храмъ, а для священника каменный домъ. Храмъ этотъ во имя Спасителя былъ освященъ самимъ Фотіемъ въ 1835 году. Пожайскій. „Историческій Вѣстникъ“, 1883 г., июль, 148—151.

обзирался часто чрезъ всю церковь къ св. олтарю, не вышлетъ ли Богъ ему просфору. Почти всегда за приходъ въ церковь Божию получалъ онъ награду и благословеніе — просфору отъ св. олтаря; желаніе его послѣ влекло уже всегда ходить въ церковь Божию; ибо думалъ онъ, что отъ Бога ему подается святая просфора, а не отъ человѣка — священника и отца, и мать его въ рай о томъ Бога умолила; просфору онъ дитя всегда снѣдалъ самъ; донынѣ служай онъ отъ просфоры послѣ св. таинъ чувствуетъ сладость, какой ни въ чемъ не находитъ изъ ястей. Снѣдая просфору отъ св. олтаря, онъ живость чувствовалъ въ себѣ, здравіе всегда; утѣшеніе, благословеніе веліе ему до нынѣ, аще кто изъ церкви даетъ ему просфору. Прабабка же Татіана въ то время была просфирня церковная; и помогала ей внука дѣвица Марія, тетка ему, и всегда особую малую просфору теплую та и другая давали Петру, или часть оныя прямо изъ печи горящія. Все сіе его утѣшало о матери, но мати его изъ сердца не исходила.

Отроча младо Петръ, возрастая въ слезахъ, въ скудности и печали, возрасталъ возрастомъ и силою, и приспѣло время его обучать. Отецъ его, сотворивъ молитву послѣ Божественной службы, помолился Господу Богу, дабы Онъ открылъ въ наученіи ему свѣтъ познанія, и благословляя благословилъ его образомъ Знаменія Божіей Матери, коимъ мати его благословила, посадивъ за столъ по утру, началъ учить церковному букварю. Прежде всѣхъ словъ и складовъ, прямо давъ въ руку указку, уча училъ его въ началѣ крестясь говорить сіи слова: Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Аминь. А потомъ самыя буквы училъ. Отрокъ, понятенъ будучи, вскорѣ данный урокъ изучалъ, родитель хвалилъ его, и съ отеческою любовію радуясь, его утѣшалъ, обнадеживая въ трудахъ ученія, что когда онъ будетъ добрѣ учиться, жить хорошо, смиренно, кротко, Бога будетъ любить, всегда въ церковь будетъ усердно ходить, Богъ ему раскроетъ разумъ въ ученіи, онъ будетъ добрый человѣкъ, въ рай его Богъ пуститъ, гдѣ и мать свою увидитъ въ свое время; сіе весьма часто родитель благочестивый и боящійся Бога ему внушалъ. Время отъ времени вскорѣ онъ изучилъ азбуку и слова: Азъ, Ангель, Ангельскій, Архангель, Архангельскій. Б. Богъ, Божество, Богородица и пр.

Во время отсутствія изъ дома родителя Никиты на работы, онъ съ братомъ Евфиміемъ оставался подъ надзоромъ новыя матери, дабы оба учились безпрестанно. Братъ его Евфимій не былъ понятенъ и прилеженъ; приходя съ работъ въ домъ, спрашивалъ отецъ у матери, учились ли оба, и каково учились? Мачиха, не знавшая грамоты, когда, не боля о сиротахъ печальныхъ, бѣдныхъ и горькихъ, выставляла нерадѣніе въ нихъ; отецъ для повѣрки заставлялъ Часословъ церковный читать во гнѣвѣ, и въ страхъ къ тому большія лозы съ собою приносилъ, грозя больно наказывать за лѣность; отъ сего такой страхъ и трепеть обсихъ братій обнималъ, что Петръ, весь трепеща отъ страха, часто едва уста могъ отворять и читать, отъ многихъ слезъ и вздоховъ даже не могъ иногда видѣть словъ въ Часословѣ, боялся гнѣва и наказанія родительскаго. Отецъ, чѣмъ-либо приведенный въ ярость, схватывалъ Петра съ мѣста ученія отъ книги и обнаживъ, такъ наказывалъ жестоко, что единожды случилось, едва до смерти не убилъ его безвинно. Кто когда видѣлъ сіе, и старался отъ мученія его избавить, но отецъ самого того билъ во гнѣвѣ и ярости. Тетка Марія, нѣкогда его защищая, отца нечаянно повергла на полъ дома, выхвативъ Петра изъ крѣпко держимыхъ колѣнъ отца, унесла на себѣ въ другой домъ, запорами двери и окна затворила, дабы во гнѣвѣ родитель не могъ ворваться въ задній домъ и бить его, но во гнѣвѣ онъ усиливался взойти чрезъ окно въ домъ, дабы наказать жестоко младенца, но не возмогъ; Марія грозила убить его палицею; а послѣ сказала, что неизвѣстно ей, куда онъ, дитя, ушелъ. Тамъ же долгое время лежалъ сокрытъ; когда же отъ гнѣва отецъ престалъ, хотѣлъ сына видѣть чрезъ нѣкое время, и клялся Маріи предъ Богомъ, что бить впредь его не будетъ напрасно, она отверзла дверь родителю, и онъ въ ноги поклонился сестрѣ своей Маріи, что она его спасла отъ боя и его отца отъ бѣды. Съ сею теткою Маріею не всегда въ любви жила мачиха.

При горькомъ сиротскомъ житіи, воспитаніи и обученіи чтенію церковному, вскорѣ изучилъ Петръ Часословъ; началъ учить его отецъ Псалтырю, но поучивъ немного съ начала, оставилъ онъ учить его, сказавъ, что онъ добрѣ безъ ученія все знаетъ читать, не нужно его болѣе учить чтенію. Рѣдко случалось, когда слово мудреное отецъ поправлялъ, чтобы ему выговорить

чище. Послѣ когда приходилъ въ церковь, родитель его заставлялъ иногда часы читать при службѣ, или иное что, и усердно пріучалъ сына къ чтенію и пѣнію церковному, осыпалъ его ласками своея любви родительскія. Братъ же его Евфимій, какъ былъ несовсѣмъ понятенъ по юности своей, то когда родитель на поле выходилъ орать, или другое что дѣлать, съ собою бралъ его, на межѣ полосы посадивъ, въ минуту отдыха своего показывалъ ему обученіе. Когда былъ въ огородѣ работая что-либо, такъ же все попеченіе прилагалъ изучить его чтенію, дабы обоихъ вмѣстѣ въ наученіе отдать.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

18-го Мая 1894 г. Печатать разрѣшается. Ректоръ Семинаріи,
Архимандритъ *Михаилъ*.

Редакторъ, преподаватель Семинаріи *С. Успенскій*.

НОВГОРОДЪ.

Паровая Типогр. А. С. Федорова.
Легощяя улица, собствен. домъ.

бовію отвѣчалъ: „ваши школа оставила въ насъ самое пріятное впечатлѣніе.“ Слова эти доставили мнѣ большое утѣшеніе.

Послѣ небольшого отдыха мы отправились въ сопровожденіи одного монаха въ скиты, въ одномъ изъ которыхъ подвизался преподобный Нилъ Сорскій, а въ другомъ ясно горѣлъ свѣтильникъ земли Русской, соименный основателю скитскаго житія на Руси, іеросхимонахъ Нилъ, на могилѣ котораго нами, совместно съ однимъ о. благочиннымъ Вологодской губерніи, была пропѣта панихида. Отстоявъ вечерню и поклонившись мощамъ преподобнаго мы, переночевавъ въ пустынь, отправились на другой день къ дому. По дорогѣ намъ пришлось осмотрѣть женскій общежительный Горицкій монастырь, который лежалъ на пути. Въ немъ мы переночевали въ монастырской гостинницѣ и направились домой. 22 Мая въ 6 час. вечера мы благополучно прибыли домой; путешествіе наше продолжалось 9 дней.

Впечатлѣніе дѣтей отъ путешествія было очень сильное; рассказамъ о томъ, что слышали и видѣли въ пути, — не было конца; дѣти наперерывъ другъ передъ другомъ старались передать свои впечатлѣнія домашнимъ, и ничто не ускользнуло отъ ихъ вниманія; вообще паломничество наше оказалось пріятнымъ для дѣтей и не скоро изгладится изъ ихъ памяти.

И. д. наблюдателя церковно-приходскихъ школъ Череповскаго уѣзда священникъ *Владиміръ Тимоѣевъ*.

Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія.

(Продолженіе).

ГЛАВА II.

Воспитаніе внѣ дома родительскаго и опредѣленіе въ хоръ казанскихъ пѣвчихъ въ С.-Петербургѣ.

Когда Петру было отъ рожденія десятое лѣто, бѣдность родителя нудила его отдать туда, гдѣ бы выгоднѣе ему было для содержанія и не требовалось отъ него много издержекъ; ибо отъ церкви мало ему дохода было, земли было мало; приходъ весьма

маль и бѣденъ; отецъ же прежде еще разорился, когда старался сложить волею съ себя санъ діаконскій и быть на ваканціи чтеца. Бѣдность родительская усугубляла сиротскую печаль въ сынѣ, дѣлала препоны къ подавнію добраго воспитанія и обученія наукамъ совершенно добрымъ. А посему онъ сперва отдалъ его въ С.-Петербургѣ въ Казанскій соборъ въ число пѣвчихъ; родной дядя его самъ былъ пѣвчимъ прежде при семъ же соборѣ. Діаконъ Борисъ ходатайствовалъ о семъ, и Петръ былъ опредѣленъ, но частно. Въ хорѣ пѣвчихъ учитель былъ грубый человекъ, невѣжественный; жилъ въ однѣхъ комнатахъ со всѣми пѣвчими. Зала проходная была у всѣхъ одина. У него была жена, сынъ, дочь дѣвица; прислуживала ему и пѣвчимъ женщина; добраго обученія никакого не было; смотрѣнія и нравственнаго ученія вовсе не было. Когда бывало время обучать по нотѣ отрока Петра (или другихъ дѣтей), старшіе пѣвчіе били его жестоко, ударъ удара жесточе ему дѣлали всегда въ голову. Въмѣсто лозъ за неопытнѣ старшій пѣвчій стебломъ лозы билъ его по рукамъ около плечъ, и до того бивалъ, что опухоль покрывала руки, и боль получалъ онъ великую въ головѣ. Отрады ему не было никакой. Слезы, печаль, а отъ нихъ болѣзнь, страданіе объяли его. Онъ потерялъ все усердіе быть въ числѣ пѣвчихъ. Начальникъ протоіерей собора во всю бытность его никогда не былъ для надзора за пѣвчими, не посѣщалъ жилище ихъ. Сидѣлъ печалію, началъ Петръ худѣть, болѣть, а потому не могъ даже пѣть; попеченія объ лѣченіи не было никакого. Вотъ онъ положилъ на сердцѣ хотя сбѣжать, но возвратиться въ домъ родителя для излѣченія. Болѣзнь же его была болѣе отъ печали, боль въ груди, кровохарканіе, слабость всего тѣла. Онъ слышавъ рѣчи о себѣ другихъ, что лучше его въ домъ отца уволить, нежели въ пѣвческомъ хорѣ пользоваться; молилъ всѣхъ, кого могъ, дабы его въдомъ родителя уволить для выздоровленія.

Въ жилищѣ же пѣвчихъ у него сродники, тетки родныя, почти никогда не были, его видѣть и посѣщать, кромѣ тетки его Татьяны вдовы *); оная тетка не мало его утѣшала въ скорби

*) Тетку свою Татьяну, сестру его матери, Фотій особенно любилъ и называлъ ее сохранилицею жизни своей. Она умерла въ 1833 году, за одно ея погребеніе Фотій уплатилъ причту, который отпѣвалъ ее, шесть сотъ рублей. „Русскій Архивъ“, 1871 г. кн. 1, 250. Письма Фотія къ брату и роднымъ.

бѣднаго и горькаго сироту. Сія тетка сердобольная испросила его на свои руки, дабы отправить въ домъ отца для выздоровленія, и отправила. Человѣкъ, который его нанялся доставить, не довезъ его до родительскаго дому, задержалъ вещи его, отъ покойниці его родительниці Евфиміи ему доставшіяся, о чемъ очень много скорбѣлъ. Пришелъ онъ въ домъ отца въ лѣтнее время около дней Петра и Павла. Обрадовался отецъ его, когда увидѣлъ его, но вмѣстѣ и скорбѣлъ, что онъ на руки ему опять достался; не смѣлъ онъ объявить, что не желаетъ ипрядь въ хорѣ пѣвчихъ быть, когда здоровъ будетъ, а говорилъ отцу, что худое бываетъ, и какъ его до полусмерти бивали. Провелъ лѣто онъ и молилъ отца, дабы отдалъ онъ его въ наученіе туда, гдѣ лучше есть все, и откуда люди во святой монашенскій санъ поступаютъ, Бога научаются познавать, жить праведно и рай получить.

Здѣсь вспомяну о монашествѣ, скажу о времени и случаѣ пришедшаго понятія и чувства отроку Петру о монашествѣ. Былъ случай, по Божію смотрѣнію, видѣть ему монаховъ. Прежде опредѣленія его въ хорѣ пѣвчихъ, яко на шестомъ году отъ рожденія его, тетка Марія при своихъ ласкахъ спрашивала его владенца съ братомъ, кто восхоцетъ жениться, и кто куда изъ нихъ хоцетъ поступить, въ монашество ли, или въ санъ священства, то отроча Петръ вопрошалъ тетку, говоря: ты сперва скажи мнѣ, гдѣ лучше спастися мнѣ, рай получить, и чтобы мать въ раю увидѣть и всѣхъ, которыхъ я люблю? Она же сказала ему: для сего лучше быть въ монашествѣ, въ монастырѣ, тамъ всѣ святыя живутъ на землѣ, молятся, мяса не ядятъ, всегда постятся, не женятся, съ ними живутъ святыя, ангелы Господни. Еще что бываетъ, скажи мнѣ, спрашивалъ отрокъ тетку Марію? Она отвѣщала: митрополиты, архіереи и преподобные всѣ были монахи. Весьма полюбивъ рѣчь тетки, сказалъ онъ ей: я въ монашество лучше пойду; бѣда жениться; вотъ какъ мать у меня умерла, — каксе горе я терплю, — накормить и омыть меня никто не хоцетъ. Въ зимнее время послѣ сего, какъ отца не было дома, дѣдъ его Маркъ чтецъ, отецъ матери умершія, восхотѣлъ не столько навѣстить сиротъ бѣдныхъ, а желалъ, чтобы послѣ матери оставшееся малое самое имѣніе себѣ взять обратно, дабы имъ и послѣдняго рублища въ благословеніе

не осталось послѣ нея, пріѣхаль онъ въ домъ родителя, а съ нимъ былъ монахъ, именемъ Теофанъ, братъ священнику церкви, гдѣ Петръ родился, и домъ его отца былъ. Новая мати предложила имъ ястіе, питіе, старалась ихъ со всею любовію почитать. Тогда отроча въ концѣ стола стоя смотрѣлъ на монаха, видитъ, что онъ мяса и рыбы даже не ястъ, вопрошаетъ мати: почто монахъ хорошее все, что мы ядимъ, не ѣстъ? Она же говорила: молчи, не время, послѣ скажу, онъ приступивъ къ ней стужая ей въ слухъ кричалъ, скажи мнѣ, моя мати: почто мяса не ястъ монахъ, и всего постнаго мало? Почему она говоритъ ему тихо на ухо: онъ святой, а святые монахи не ядятъ мяса и рыбы. Святые развѣ не люди, какъ другіе, спросилъ дитя. Она же сказала: имъ и Богъ не велѣлъ ясти, и сами не хотятъ; сыты они и безъ мяса. Паки вопрошая мати и смотря ей въ глаза говорилъ: почто же не хотятъ сами ясти и Богъ имъ не велѣлъ, а намъ велѣлъ? Мати, лаская его весьма, сказала: милое чадо? на что тебѣ знать рано все? Онъ ухвативъ ее за колѣна, смотря въ лице, ласкаяся, молилъ, говоря: скажи мнѣ, о мати, почто не ядятъ мяса святые монахи и не хотятъ, а мы хотимъ! Она говоритъ: кто хочетъ спастися, скорѣе въ рай войти, тотъ хочетъ Бога лучше слушать и поститься. По всемъ пришедъ къ столу, смотрѣлъ въ лицо монаху Теофану, который ему показался по сердцу. Власы онъ имѣлъ черные, весьма, лицемъ блѣденъ, чистъ, имѣлъ очи свѣтлыя, скромность, благоговѣніе были во всѣхъ его взорахъ, словахъ, обхожденіяхъ; молился онъ послѣ стола и кланялся низко; смотря на него, отрокъ почелъ за святаго его; такъ по сердцу ему милъ былъ, что оттолѣ о монашествѣ часто онъ думалъ. Другой случай былъ видѣть монаховъ. Когда онъ былъ въ хорѣ казанскихъ пѣвчихъ, то случилось таковое видѣніе для него чудное невиданныхъ монаховъ. Въ величій четвертокъ назначено было умовеніе въ церкви казанской, слухъ былъ ему, что рано весьма въ соборъ пріѣхали отъ архіерея монашествующіе; ему сказали, что они уже сидятъ во святомъ алтарѣ одесную страну горняго мѣста. Онъ тотчасъ съ клироса вцѣль во св. алтарь и, видѣвъ сидящихъ двухъ монаховъ, смотрѣлъ на нихъ; они же въ совершенномъ безмолвіи сидѣли; лица ихъ были покрыты чернымъ флеромъ. Ему нѣкто сказалъ, что они были схимники, но помнитъ,

что они не имѣли схимническаго одѣянiя и образа. Спустиа тридцать лѣтъ отъ роду искушать восхотѣлъ онъ: кто были схимники тогда? И тогда позналъ, что около ста лѣтъ не было схимниковъ въ лаврѣ. Кто же они явившіеся были? Ангелы или люди? Неизвѣстно. Но обратимся къ повѣсти.....

ГЛАВА III.

Въ постъ Рождества Христова по первому зимнему пути былъ Петръ отвезенъ въ великій Новъ-градъ; по старанію господъ Чеглоковыхъ, общалъ начальникъ семинаріи его принять въ семинарію учиться наукамъ. Но вѣрно было ѣхать на праздникъ обратно, что было въ 1802 году декабря. 1803 года 17-го генваря въ день святаго Антонiя великаго приведенъ былъ въ кельи ректора семинаріи и архимандрита Флавіана, гдѣ былъ, въ память Антонiя Римлянина, званъ преосвященный Михаилъ епископъ (бывшій послѣ митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій). Представленъ былъ отрокъ предъ лице сего святителя: ангелоподобный, кроткій видъ пастыря добраго съ перваго взора его усладилъ. Онъ подошелъ, благословляя его благословилъ, глаголя: „учися, чадо, учися добрѣ, и будетъ тебѣ благо“, и отпустилъ его, приказавъ его принять въ число учениковъ семинаріи. Приходя же съ нимъ поутру еще къ Флавіану, отецъ его, хотя весьма нищъ былъ, но искупилъ лучшей большой свѣжей рыбы замороженной, принесъ къ нему на случай угощенiя пастыря, яко въ праздникъ. Отрокъ дивяся величинѣ рыбы единыя, имъ не виданныя, воспросилъ: „отче, почто ты купилъ такія лучшія рыбы большія, и кому? Онъ же сказалъ: „архимандритъ Флавіанъ добрѣ весьма; архіерей же милостивъ: то я въ даръ принесу имъ, да благословятъ они отъ всего сердца тебя; и благословеніе чрезъ нихъ на тебя снидетъ свыше Божіе. Въ старину святые такъ дѣлали отъ любви для полученiя благословенiя при ястii и питii своимъ даже. Архимандритъ Флавіанъ благъ, милостивъ, но бѣденъ изъ щедрости, раду былъ даръ сему на случай праздника.

Уѣхалъ отецъ въ домъ свой, а онъ оставленъ былъ въ семинаріи, въ комнатѣ каменной; у дверей на самомъ послѣднемъ мѣстѣ кровать его была поставлена, гдѣ онъ сперва отъ холода двери непрестанно то запиралъ, то притворялъ въ часъ свободный отъ ученія. Сеніоръ же былъ кротокъ, весьма добръ, каковаго для дѣтей лучше быть не могло, Іоаннъ Велицкій, послѣ онъ былъ протоіерей софійскій.

Пребывалъ отрокъ въ семинаріи, учился чистописанію, языку латинскому; въ кельяхъ, въ трапезѣ и въ классахъ совершенный былъ порядокъ, соблазновъ никакихъ ни на словахъ, ни въ поступкахъ, ни за кѣмъ не было. Содержаніе, жилье въ кельяхъ было весьма скудное, но достаточное; съ голодомъ ему часто случалось бороться. Отецъ, опредѣливъ его, по тогдашнему времени за все содержаніе въ годъ, кромѣ одѣянія, платилъ за него въ казну шесть рублей за житіе, содержаніе, пищу и ученіе, а одѣяніе было и прочее нужное свое; и тогда казалось сіе очень по бѣдности его еще дорого.

Въ началѣ ученія о прозваніи его былъ споръ. Учитель Петръ Аносовъ далъ ему прозваніе Недремскій, говоря: что отрокъ не дремлющій имѣть видъ, остро смотритъ на свѣтъ и будетъ учиться исправно; а инспекторъ Андрей (послѣ бывшій ректоръ семинаріи, и епископъ пензенскій) Орнатскій сказалъ: почто имѣть прозваніе Недремскій? Въ родѣ не было никого, ко спасенію не назидательно есть. Какъ родился при церкви Преображенія Господня отроча Петръ, сынъ чтеца въ погостѣ Спаскомъ, то ему наименованіе да будетъ Спасскій.

Былъ онъ въ кельи переведенъ самая старья и малыя, называемыя Соловки, гдѣ не болѣе трехъ или четырехъ человѣкъ могли жить въ одной кельи и малыя свои кровати поставить въ каждой кельи. Старшій былъ по фамиліи Вихровъ, во гнѣвѣ жестокости, какъ вихрь свирѣпъ, нетерпѣливъ; за всякую дѣтскую ошибку, наказуя билъ по ланитамъ всякаго, безъ пищи оставлялъ на день или болѣе, толь часто, что бывалъ много разъ отрокъ безъ всякаго ястія по обычаю въ трапезѣ. Страха ради сего былъ Петръ по обычаю чередный печь въ кельи топить, и истопивъ накурилъ и почувствовалъ сильный сонъ отъ скрытаго тепла печнаго, черезъ нѣкіе часы обрѣли его мертва отъ угару; почти еще въ безчувствіи, увидѣлъ себя Петръ на

снѣгъ вытащенна; начальники же надъ нимъ стоятъ, старшій, ученики, самъ инспекторъ своими руками въ ужасѣ снѣгомъ облагаль главу, виски и грудь. Въ сіе время мать крестная гостинець нѣкій привезла ему изъ дому родителя, и та была при омертвѣніи его и оживленіи. Когда же ожилъ, то дарилъ всѣмъ тѣмъ товарищамъ гостинець, которые участвовали въ оживленіи его отъ смертнаго угара.

Отецъ, видѣвъ успѣхи его скорые, радовался и хотѣлъ такъ же брата меньшаго съ нимъ вмѣстѣ Евѣимія въ семинарію опредѣлить: бѣдность ему препятствовала но, никто изъ родныхъ въ крайней нуждѣ отца помощь не хотѣлъ явить ему. Что дѣлать родителю бѣдному его? Заливаясь слезами, шелъ на своихъ ногахъ изъ С.-Петербурга въ Новъ-городъ. Когда достигъ Новаграда, то по ходатайству господъ Чеглоковыхъ, весьма усердныхъ ходатаевъ по всѣмъ просьбамъ духовныхъ людей, едва могъ опредѣлить его въ семинарію, съ Петромъ вмѣстѣ учиться.

Бѣдность крайняя родителя Никиты, нужда содержанія и воспитанія въ семинаріи ихъ обоихъ принуждала самого его труды, работы сносить сверхъ силъ своихъ. Онъ оралъ, косилъ, лѣсъ рубилъ, возилъ на крестьянъ, дабы продать и тѣмъ пріобрѣсть хотя мало нѣчто на содержаніе и одѣяніе дѣтямъ своимъ въ семинаріи. Въ сіе время уже за содержаніе брата Евѣимія пищею, по требованію начальства, было вносимо отъ отца 12 р. въ годъ. Для крайне бѣднаго родителя тогда сіе было весьма тяжело. Когда на вакацію для отдыха изъ семинаріи во время лѣта по обычаю Петръ приходилъ въ домъ отца, то всегда въ черныхъ трудахъ тяжелыхъ находился съ братомъ; уборка сѣна состояла всегда на нихъ съ братомъ и прочаго. Воздѣлываніе полей, кромѣ оранія земли, ихъ все было дѣло; жатву всю съ братомъ исправляя при мачихѣ каждый годъ; восходъ солнца изводилъ ихъ на жатву, а захожденіе его, а иногда глубокая полночь приводила съ жатвы ихъ на покой. Сей тяжелый трудъ отъ прихода до отхода изъ дома отца въ семинарію было то священное училище трудолюбія, гдѣ сирья, бѣдныя дѣти, ученики всегда въ юности среди жара, туги потѣли, работали усердно, наединѣ часто слезами обливались отъ болѣзней, немощей; впрочемъ, была въ дняхъ юности всякая черная работа имъ въ великую пользу: никогда не имѣлъ

свободнаго часа гулять и въ праздности быть; всегда же чистымъ сердцемъ получалъ за труды благословеніе родителей и ласки мачихи видѣлъ къ себѣ. Не имѣлъ времени празднаго ходить на игры со сверсниками даже во дни праздничные и свободные. Въ самые праздники отыскивалъ средство къ безмолвію, совершенному уединенію, полезному, пріятному въ лѣтахъ юности своея, все приличное возрасту. Онъ имѣлъ великую охоту ходить отъ дому родительскаго версты полторы и болѣе на рѣку, гдѣ сидѣлъ среди тишины въ лѣсу на берегахъ, водахъ, удиль рыбу удицею ¹⁾. Когда народъ кончалъ игры свои на площади противъ дома родительскаго, дабы ему не было стыдно, скрытно другими путями входилъ въ домъ отца. Въ рабочее время между работами, а въ свободное по охотѣ удить удою рыбу когда не было возможно, ходилъ въ лѣсъ за снѣдными плодами лѣсными и ходя пѣвалъ пѣсни священныя по лѣсамъ; сія охота сохранила его совершенно отъ обращенія съ юными сверсниками, юнымъ женскимъ поломъ; отъ чего сѣмя зла съ юности болѣе всего рождается. Когда случалось ему въ церковь приходить, отъ утрени до литургіи въ домѣ родителя читалъ церковныя книги благочестивымъ старцамъ, пришедшимъ для богомоленія въ церковь. Когда же уходилъ съ братомъ въ семинарію, родитель денегъ на все ему съ братомъ содержаніе собственное отъ 1-го сентября до послѣднихъ дней поста Рождества Христова, для четырехъ мѣсяцевъ на всѣ нужды давалъ около одного рубля, даже иногда 50 копѣекъ; сего достаточно ему было, и Петръ усердіе великое имѣя успѣвалъ въ наукахъ. Исходя же изъ дома въ путь, всегда заходилъ съ братомъ на гробъ матери молиться, гдѣ поклонялся гробу ея, и со слезами Богу молился. Благословеніе родительское было всегда на путь въ семинарію таковое: онъ молился, читалъ молитвы и образъ взявъ съ божницы Знаменія Божіей Матери крестообразно онымъ знаменовалъ Петра благословляя и говорилъ: „поминай мать твою, чадо, учися добръ, живи праведно, трудися всегда отъ всея силы, слушай учителей, буди смиренъ, не пей вина, не ходи изъ монастыря, молися Богу; буди тебѣ матернее благословеніе и мое на вѣки нерушимо. Съ

¹⁾ Фотій и въ юношескомъ возрастѣ очень любилъ уженіе рыбы. Это его было единственное развлеченіе. 1888 году. Пожайскій. „Историческій Вѣстникъ“, 1888 г., іюль. 148—151.

Богомъ живите добрѣ, дѣти мои, худаго не дѣлайте ничего“. Брата благословлялъ другимъ образомъ св. отецъ Зосима и Савватія Соловецкихъ чудотворцевъ.

По милости начальства, яко пѣвчій, добрый ученикъ, пользовался, то казеннымъ всѣмъ, то половиннымъ содержаніемъ; не былъ нагъ, но въ крайней скудости жилъ; часто отъ глада томимый запасалъ на случай недостатка дубовые орѣхи, или жолуди ѣлъ сырые, печеные.

Нѣкогда же въ оное время зимнее среди дня пошелъ Петръ на вакацію въ домъ родительскій съ братомъ; какъ убогъ и нищъ былъ родитель ихъ, то худое платье было на обоихъ. Изшелъ Петръ съ братомъ изъ Нова-града на великое градское поле, яко версть 6-ть къ Сыркову монастырю¹⁾, вѣтръ, мразъ, снѣгъ такъ возмутили воздухъ, что за десять саженой не можно было знать, куда итти; и не можно было защититься никакъ. Нѣкіе члены началъ Петръ чувствовать померзающими; нице, руки братъ его юнѣйшій ознобилъ; что дѣлать? Спасенія не видѣвъ ни откуда, сѣли оба при дорогѣ въ снѣгъ защититься отъ вѣтра, бури, мраза; потому что пути не было видно, и не видѣли куда итти. Творилъ Петръ молитву, другъ друга утѣшали дѣти, дабы не скорбѣть о напрасной смерти, имъ отъ мраза подлежащей. Вотъ видитъ, какъ вихрь летитъ мимо ихъ человекъ, діаконъ на добромъ конѣ своемъ, и видѣвъ ихъ, говоритъ имъ: „что вы сидите? Вы умрете здѣсь; идите ко мнѣ, и я васъ по пути повезу пока можно и надобно“; схватилъ ихъ окостенѣвающихъ къ себѣ въ сани и какъ вихрь понесъ ихъ въ путь къ дому родительскому. Петръ же и Евѣимій столько померзли отъ хлада, что чувствовали члены померзшіе индѣ; но терпѣли и молчали; около версть двадцати когда провезъ діаконъ, говорилъ Петру: здѣ время отъ нихъ отлучиться, и онъ имѣетъ въ свой домъ путь особый; дѣтямъ же яко версть 10-ть еще должно было больными ногами отмороженными итти сквозь великіе лѣса до села, гдѣ дорога къ дому была. Вечерь наставалъ, луны не было вовсе. Къ удивленію Петръ вдругъ видитъ, что конь отца его на встрѣчу идетъ безъ человекъ, впередъ ѣдущихъ людей; обрадовался съ братомъ, схватилъ, какъ своего

¹⁾ Въ Новгородѣ.

отчаго коня, остановилъ его и ѣхалъ къ дому отца; скоро сдѣла-
лося совсѣмъ темно, такъ что ежели бы не самъ конь, то бы не
знали дороги доѣхать до села. Когда же прибыли въ домъ отца,
увидѣли всѣ, что пальцы обѣихъ ногъ большіе отзобилъ Петръ,
долго страдалъ болѣзнію, но Господь, сохраняя его, исцѣлилъ
по Своей благодати отъ ранъ.

Во время юности своей не мало Петръ былъ отъ похотей и отъ явле-
ній духовъ также смущаемъ, но отъ всѣхъ страхованій и смущеній
его избавлялъ Господь. Былъ во многихъ бѣдахъ, болѣзняхъ,
ранахъ, біеніяхъ, потопленіяхъ неоднократно. Такъ отъ врага
былъ напуганъ, что безъ молитвы, знаменія креста ничего не
смѣлъ дѣлать и боялся къ чему-либо приступить.

Словъ срамныхъ, сказокъ, игръ, веселій и иныхъ забавъ
всегда убѣгалъ, никогда не любилъ сотворить кому-либо божбу.
Пьяныхъ сходбищъ не могъ терпѣть; отца своего въ часъ охмѣ-
ленія насильно отвлекалъ рыдая, въ слѣдъ его ходилъ и звалъ
въ свой домъ; за что единожды, по ланитамъ нетрезвый
попъ Успенскій Θεодоръ билъ, таскалъ за волосы, почто
насильно отца своего съ нимъ разлучалъ. Въ разные случаи отъ
разныхъ людей былъ поносимъ за удержаніе отца отъ слабости.

Самъ же отъ рожденія никогда пива не пилъ, избѣгалъ
всякаго напитка вишнаго, навыка къ невоздержанію, хотя отъ
многихъ былъ нудимъ часто подъ видомъ сладости, пріятности,
здоровья мало выпить. Скажу теперь что въ юности имѣло на
него вліяніе къ набожности. Церковный букварь, Часословъ,
Псалтирь, Прологи и прочія книги церковныя велие вліяніе
имѣли на него.

Прабабка близъ ста лѣтъ, бывшая въ домѣ отца, по своей
набожности, цѣлыя нощи стоя на колѣняхъ, молилась Богу въ
нощи безъ всякаго свѣта и молитву твердила всегда: Господи,
Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй меня грѣшную,
или Богородицѣ; и моляся всегда стояла близъ его предъ обра-
зомъ, гдѣ онъ спалъ на полу. Примѣръ благочестія и молитвы
всегда его исполнялъ, отъ чего усердіе снискивалъ великое въ
церкви быть, пѣть, читать и ихъ слушалъ, когда онъ его въ
церковь посылали.

По разрушеніи въ селѣ старой церкви деревянной, нѣкіе старые и
мало нужные образа были сохраняемы въ хлѣбномъ амбарѣ близъ

дома родительскаго. Собравъ болѣе десяти подобныхъ себѣ младенцевъ, столько же дѣвицъ юныхъ, выбралъ образа легкіе, малые, роздалъ по рукамъ каждому оныя, и нѣкіе на древца привязалъ, и какъ никто не видалъ, велѣлъ поднять, какъ въ крестномъ ходѣ идти съ оными въ поле весною гдѣ бы болѣе и долѣе можно было за глазами людей ходить и пѣть святыя пѣсни: Елицы во Христа крестистесея и Христосъ воскресе. Всѣ вообще назвали Петра священникомъ, а брата его діакономъ; говорилъ же отрокъ всѣмъ дѣтямъ такъ: слушайте же меня, вси теперь пойдемъ крестный ходъ дѣлать, и училь, что всѣмъ пѣть.. Сіе тайно отъ родителей дѣлалъ онъ неоднократно. Ему же строго воспретилъ отецъ дѣлать хожденіе съ образами, грозя наказать его тѣлесно розгами.

Кто въ юности, неизвѣстно, повѣдалъ еще ему такъ: два юные отрока ушли изъ дому отца своего и матери и тайно вселились въ нѣкую гору, гдѣ жили и спасались до смерти, были же питаемы невидимою рукою.

На 14 мѣ году отъ роду такое пламенное желаніе и непрерывное возрастало въ немъ убѣжать изъ семинаріи тайно въ гору называемую Курскую, въ пещерѣ тамъ вселиться близъ дороги изъ дому родительскаго ведущей въ Новъ-городъ, что ежегодно три раза проходя, назиралъ гору, дабы въ ней вселиться. Что дѣлать? Согласился наконецъ съ двумя еще юношами равными себѣ тайно убѣжать для спасенія въ ту гору. Долго разсуждая, чѣмъ будетъ имъ кормить себя, положилъ, что сначала травою можно питаться, ягодами, прочимъ лѣснымъ чѣмъ-нибудь; а на зиму плодовъ лѣсныхъ засушить для наптанія, пока самъ Богъ будетъ посылать пищу всѣмъ. Итакъ на 24 іюня взялъ Петръ съ товарищами увольненіе, будто въ Новъ-городъ на нѣсколько дней и, подъ симъ предлогомъ, чаялъ скрыться навсегда въ теченіи того времени; когда пришелъ вечеръ, исходя съ товарищами своими, взялъ онъ надѣланныхъ крестиковъ разныхъ для обороны отъ бѣсовъ, и надѣвъ на нитки, несъ въ рукахъ. Путь избралъ, какъ одинъ болѣе зная, нежели товарищи, въ гору идти къ Ху ты ню монастырю, гдѣ не доходя монастыря Деревяницкаго, надѣялись черезъ рѣку переправиться; разсуждая обо всемъ для себя во спасеніе, сѣли не далече отъ пути на травѣ и ждали темной ноши; другъ

друга укрѣпляя, дабы не бояться явленія бѣсовъ, привидѣній и все прогонять знаменіемъ креста. Въ сей часъ бесѣды ихъ и совѣта о духахъ лукавыхъ, привидѣніяхъ, они воззрѣли въ сторону, куда путь ихъ былъ на поле; и вотъ видитъ Петръ, въ срѣтеніе идетъ старецъ, весьма старый стражъ травы, весь сѣдъ, какъ снѣгъ, прямо къ нимъ и кричитъ издавеча; дѣти встали изъ боязни; онъ же идетъ и грозитъ имъ, — что они бѣглецы, что онъ, поймавъ ихъ, свяжетъ, представитъ къ начальству и посадитъ въ темницу. Страхъ на страхъ отъ сего нечаяннаго случая напалъ на Петра и товарищей. Отъ всея силы они бѣжатъ отъ старца, а старецъ съ налицею гонится за ними. Спѣша на бѣгу своемъ, положили такъ сдѣлать, дабы раздѣлившись бѣжать въ три пути, дабы старецъ, гнавшійся за всѣми, ни одного не поймалъ. Тако начальному пути спасенія дѣтскаго было препятствіе свыше дивно отъ Бога устроено.

Веліе весьма утѣшеніе получалъ онъ отъ крестныхъ ходовъ. По обычаю же церковному, когда во дни Св. Пасхи отецъ его и священникъ ходили и причтъ се крестами по приходу, молилъ онъ отца своего брать съ собою всегда и ходилъ нося св. Евангеліе изъ дому въ домъ, поя при переходѣ пѣснь: „Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ“, а въ домахъ весь молебень пѣлъ. За все въ награду въ каждомъ домѣ получалъ красное яйцо. Сіе его вольное было хожденіе почти во всѣ годы его въ юности, когда изъ семинаріи приходилъ на Пасху къ отцу или къ дѣду Марку; также гдѣ, когда былъ крестный ходъ, или шествіе въ праздникъ на молитвословіе, ходилъ съ крестнымъ ходомъ, пѣлъ вмѣстѣ съ родителемъ канонъ Богородицѣ Путеводительницѣ. Сіе было для него въ велію радость и сладость.

О пользѣ житія и ученія въ Новѣ-градѣ въ старинной семинаріи въ монастырѣ Святаго Антонія Римлянина.

Повѣдалъ отецъ Фотій, часто тако говоря: „Семинарія въ Новѣ-городѣ, въ монастырѣ преподобнаго Антонія Римлянина была для него съ 1803 года святилище учебное. Я нигдѣ, говорилъ онъ, лучшаго въ мірѣ, кромѣ семинаріи, не могъ видѣть

во время всего учебнаго курса, — равнаго мѣста, полезнаго ко спасенію, доброму житію, просвѣщенію въ наукахъ. Въ семинаріи была мнѣ крайняя бѣдность. Часто я ходилъ почти безъ обуви въ лютые морозы; келья мнѣ по бѣдности моей во всемъ, яко бѣдному ученику, давалась самая худая съ бѣдными товарищами. Въ трапезѣ пища была самая грубая, убогая, недостаточная такъ, что часто гладенъ отъ стола исходилъ лучшій изъ учениковъ; можно сказать, пресыщенъ не былъ никогда отъ нея. Умѣренность и скудость въ пищѣ таковая полезна была весьма мнѣ; пришедъ въ келью, сномъ я не былъ никогда отягченъ; подъ видомъ отдыха, я въ праздности не былъ, для веселія играми не забавлялся; мнѣ не было на что надѣяться, кромѣ Бога: боясь лишиться малой пищи, впредь всегда въ урокахъ былъ исправенъ. Рѣдко когда и то безвинно въ семинаріи безъ пищи былъ я оставляемъ; а съ начала житія моего у свирѣпаго старшаго Вихрова и другихъ подобныхъ часто безъ пищи былъ первое лѣто житія въ семинаріи. Въ кельяхъ сеніоры смотрѣли за чистотою, благопріемъ; цензора, аудиторы за кельями, выходъ въ другія кельи подъ другими номерами черезъ сѣни былъ воспрещенъ напрасно. Въ трапезѣ всегда назиралъ во время яденія всѣхъ смотритель, или кто-либо выше; исходили всѣ въ порядкѣ, благочиніи совершенномъ по два въ рядъ, въ примѣръ другимъ для страха, наказывали иногда учениковъ начальники при всѣхъ въ трапезѣ на колѣняхъ стоять, или Богу моляся поклоны полагать, и даже тѣлесно. Чтеніе было всегда священныхъ книгъ во время трапезы всѣмъ вслухъ по чредѣ лучшими и высшими учениками. Когда кто голодомъ моримъ потребуеть прибавки хлѣба, начальники съ любовію давать приказывали; но страхъ и стыдъ удерживали меня дѣлать сіе. Въ келій, на монастырѣ, въ лѣтнее время въ саду было весьма благочиніе во всѣхъ ученикахъ наблюдаемо: воспрещено было исходить въ садъ, за монастырь безъ позволенія, и особенно въ слободу, всякому даже за крайнею нуждою. Всякъ ученикъ низшій предъ высшимъ по ученію долженъ былъ, идя мимо, главу открыть и поклонъ дѣлать. За неучтивость же и недѣланіе поклона предъ ученикомъ богословія и философіи, выговоръ и наказаніе дѣлались отъ старшаго, когда кто подъ замѣчаніе попадалъ.

„Мѣста ученія, то-есть, классы, мало или вовсе не были

топлены въ зимнее время; отъ сего холодъ былъ великъ такъ, что усть для чтенія уроковъ предъ учителями иногда не можно было отворять. Намѣреніе же доброе то было въ маломъ топленіи келій учебныхъ, дабы на часть, оставшуюся отъ экономіи, бѣдныхъ кормить пищею учениковъ. Все, что я видѣлъ, говорилъ онъ, въ семинаріи во весь курсъ моего ученія, было съ превосходною пользою дѣлано. Не было внѣшней чистоты большой и политики, но чистоту, нравственность, всѣмъ строжайше отъ начальниковъ приказано было соблюдать; буйство, пїянство строго наказывались; за прилежаніемъ, ученіемъ учениковъ неусыпное было вниманіе. Ученики, развратными сдѣлавшіеся въ домахъ родителей, изъ границъ скромности боялись выступать въ семинаріи; ибо было тѣлесное наказаніе, смотря по винѣ иногда довольно жестокое, коего я такъ боялся, что всякаго вида, подозрѣнія къ проступкамъ избѣгалъ и къ лѣности во всякое время“.

„Благонравію учениковъ и моему весьма способствовало, что изъ классовъ по чредѣ назначаемые ходили въ церковь ежедневно къ утренѣ, обѣднѣ, вечернѣ читать, пѣть; въ праздникъ же всѣ ученики приходили въ церковь Божію лѣтомъ ко всенощному бдѣнію, а зимою къ утренямъ; въ учебные же дни по утру по звонку въ уреченный часъ всѣ вдругъ исходили на молитву съ книжками, упражненіями и всѣмъ нужнымъ не въ классы, а прямо въ церковный притворъ, гдѣ пришедше всѣ становились, несмотря на самые лютые морозы, и совокупно пѣли Богородичень Октоиха по гласу въ началѣ, а потомъ читались три молитвы утреннія: Господу, Богородицѣ и Ангелу Хранителю; по прочтѣніи стиха другаго Богородичнаго, всѣ исходили въ свои мѣста прямо для ученія. Кто же на молитву не приходилъ, тотъ наказанію подлежалъ, и кто хотя мало медлилъ притти, и бывало, что цѣлые номера были безъ пищи за то наказуемы: вдругъ изъ всѣхъ мѣстъ ученики должны были итти на молитву по номерамъ и исходить по чину, младшіе напередъ. Таковъ чинъ чрезъ 12 лѣтъ моего ученія въ Новгородской всегда наблюдался въ семинаріи. По вечеру, по концѣ трапезы, такъ же молитва была сверхъ трапезной общей; и въ трапезѣ пѣнь пѣли всѣ послѣ ястія, стояще на своихъ мѣстахъ: Сподоби Господи въ вечеръ сей безъ грѣха сохранитися намъ; читали на сонъ грядущимъ молитвы три и пѣли

послѣ: Нынѣ отпускаеши раба твоего, Владко, по глаголу твоему съ миромъ. И тако выходили всѣ по чину въ свои кельи не спать, а еще учиться: а спать всегда въ 9 часовъ ложились, а по утру будились въ три часа“.

„Начальники, учителя были монашествующіе и не монашествующіе; женатыхъ же не было никого во весь курсъ ученія моего въ семинаріи; и всѣ были благочестивы. Словесности же учитель и инспекторъ-іеромонахъ, а послѣ бывшій игумень. Іеронимъ ¹⁾, такъ былъ неуспенъ въ образованіи учениковъ, что поутру и по вечерамъ каждодневно осматривалъ учениковъ и всѣ кельи; объ ученіи такъ старался, что цѣлыя ночи онъ просиживалъ, исправляя упражненія со всею тщательностію, какъ особенно мои, такъ и прочихъ; старателенъ былъ такъ къ ученію учениковъ, что я примѣра не видалъ и не слыхалъ еще нигдѣ такого, каковъ онъ былъ учитель Іеронимъ инспекторъ. Много онъ превосходныхъ учениковъ сдѣлалъ. Онъ меня весьма за ученіе любилъ; я съ 1-го класса шелъ съ нимъ до философіи; онъ училъ, я же учился. Отъ поэзіи чрезъ весь курсъ учебный былъ у всѣхъ я первый ученикъ, въ риторикѣ, философіи и богословіи, будучи такъ же и помощникомъ своему учителю“.

„Я всякому не могу пересказать все доброе, что имѣла семинарія въ бытность мою въ ней, одно то скажу, что она для меня учебное святилище была, которому равнаго я послѣ по всѣмъ частямъ не видалъ: тѣнь вольнодумства, вольномыслія, поблажка въ неблагоуравію, неблагоговѣнію не была терпима. Оставляю говорить о всѣхъ соблазнительныхъ мірскихъ ученыхъ мѣстахъ, а скажу то, что я въ истинномъ святилищѣ наукъ жилъ, учился, образовался, монашеству навѣкъ, смотря на благочестивыхъ монашествующихъ, пріобрѣталъ въ сердцѣ, всегда имѣлъ постоянное намѣреніе со временемъ самъ облещися во образъ ангельскій и воспріять жителство ангельское“.

„Въ семинаріи во время моего курса учебнаго таковы были классы и учебныя средства! Классы: 1-й инфимы, 2-й фары, 3-й грамматики, 4-й синтаксисы, 5-й поэзіи, 6-й риторики,

¹⁾ Упоминаемый здѣсь учитель риторики и инспекторъ Новгородской семинаріи соборный іеромонахъ Іеронимъ 10-го марта 1812 года назначенъ былъ игуменомъ Деревяницкаго монастыря, а въ 1820 году былъ удаленъ съ игуменства и помѣщенъ въ число братіи Антоніева монастыря. Игумень Іеронимъ въ томъ же 1820 г. замеръ на дорогѣ къ Деревяницкому монастырю.

7-й философіи, 8-й богословіи. Языки преподавались: греческій, латинскій, французскій и нѣмецкій. Науки: исторія, географія (гражданская и библейская), медицина, естественная исторія, классъ архитектурный и рисовальный отчасти, пѣвческій классъ, классъ краснорѣчія; а послѣ со временемъ введена математика. Почти никакихъ не было дѣлано выписокъ особыхъ для уроковъ вмѣсто книгъ: книги были печатныя для того отъ начальства назначены, а посему никакихъ сѣменъ зловредныхъ ученій не было и быть не могло. Книги же давались читать отъ учителей полезныя и духовныя; всѣ строго воспрещались соблазнительныя имѣть и читать, въ карты, шашки играть и прочія игры и затѣи не-духовныя и мірскія“.

„Древній храмъ преподобнаго Антонія имѣлъ на меня великое вліяніе въ теченіе всего курса моего ученія семинарскаго и житія въ семинаріи внутри монастыря. Когда я приходилъ по обычаю поутру съ прочими въ притворъ церковный на молитву, то всегда мнѣ приходилось стоять противу того камня, на коемъ святой Антоній приплылъ изъ Рима въ два дня и двѣ ночи по водамъ. На немъ образъ написанъ св. Антонія плывущаго на камени по водамъ съ травиною въ рукѣ, здѣсь же и прочія вещи, приплывшія за нимъ по Божію смотрѣнію были. Когда я входилъ въ храмъ, какъ пѣвчій на правомъ клиросѣ пѣлъ стоя, то всегда видѣлъ его святая нетлѣнныя мощи въ ракѣ, и по правую руку надпись надъ ракою: Слава сія будетъ всѣмъ преподобнымъ его. Образа, съ нимъ въбочкѣ по водамъ приплывшіе, въ верху въ фонарѣ травину нетлѣнную морскую чрезъ нѣсколько столѣтій, за кою онъ отъ страха ухватився, исторгнулъ изъ моря; травина со всѣми листвіями много вѣковъ стояла цѣла; а со времени архимандрита Амвросія Морева послѣ 1814 года оную я видѣлъ еще 1824 и 1832 года всю почти ошипанвою. Храмъ сей былъ для меня то святое мѣсто древности и благочестія, гдѣ я, входя, чувствовалъ себя внѣ міра самаго“.

Нѣкогда въ день праздника святаго Антонія, Петръ порану вошелъ въ церковь, увидѣлъ дверь малую по темной каменной лѣствицѣ въ верхъ церковный; тотчасъ пошелъ по сей лѣствицѣ, идя, и на правой сторонѣ входа самую малую дверь увидѣлъ въ стѣнѣ и клѣть тайную, куда воззрѣвъ, на стѣнѣ видитъ образъ Божія Матери Бурсунскія, и свѣща преда онымъ горѣла;

поль весь былъ кирпичный изломанъ, келья круглая и менѣе сажени въ ширину, а въ длину яко полтора аршина ¹⁾). Пришедшаго за нимъ кого-то онъ спросилъ: что это есть? какая клѣтъ тайная? Ему говорилъ человекъ такъ: здѣсь святой Антоній спасался, втайнѣ моляся Богу: и вотъ поль кирпичный во многія лѣта измѣтъ угодиномъ отъ колѣнопреклоненій его. Послѣ сего, когда ему случалось въ праздникъ Антонія бывать въ церкви, то всегда старался посѣщать сію клѣтъ, и слагая все, положилъ на сердце, когда Богъ сподобитъ быть его въ монашествѣ, подражать въ семъ святому Антонию и сдѣлать тайную клѣтъ для молитвы ²⁾).

Нѣкогда стоя въ церкви св. Антонія сквозь рѣшетчатые двери увидѣлъ Петръ старца весьма сѣдаго, святолѣна, на коего взирая чувствовалъ внутри страхъ благоговѣнія къ нему, и спросилъ съ нимъ бывшихъ: кто сей есть? Ему говорятъ: Патермуфій молчальникъ. Онъ лѣтъ тридцать уже какъ въ молчаніи; сіе такъ его тронуло, что онъ вышелъ изъ церкви стоялъ близъ его и смотрѣлъ, каковъ его видъ, каково его все движеніе; осмотрѣвъ, показался онъ ему яко ангель Божій во плоти и оттолѣ далъ Петръ въ сердце Богу слово: Господи! аще будетъ воля Твоя Святая, отлучуся отъ міра, и тѣ възмогу, понекуся о спасеніи, и буду молчанію учиться во время свое. Нѣкогда восхотѣвъ испытать расположеніе ректора архимандрита къ себѣ, къ чему онъ дастъ ему благословеніе, подъ тѣмъ видомъ, что, для пособія отцу въ содержаніи его до конца курса учебнаго, хочетъ закрѣпить за собою мѣсто священника, написалъ письмо ему, дабы онъ споспѣшилъ ему въ семъ. Ректоръ Владиміръ Ужинскій наложилъ резолюцію на ономъ и прислалъ къ нему запечатавъ. Петръ, распечатавъ, видитъ надъ

¹⁾ Надъ молитвенною келіею преп. Антонія устроена тѣсная церковь во имя преподобныхъ Онуфрія и Петра Аѳонскихъ; туда ведетъ крутая лѣстница въ столпѣ, пристроенномъ къ собору.

²⁾ Будучи архимандритомъ Юрьева монастыря, Фотій дѣйствительно устроилъ для себя особенную моленную комнату, которая имѣла одну сажень длины и десять вершковъ ширины, объ одномъ сводѣ, съ прилавкомъ въ одномъ концѣ и углубленіемъ въ другомъ для иконы; тамъ теплилась неугасимая лампадка предъ иконой Знаменія Пресв. Богородицы. Моленная находилась въ нижнемъ этажѣ (подвалѣ) Спаскаго монастырскаго храма и при жизни Фотія сообщалась чрезъ особый потайный ходъ съ его келіями. Сюда онъ часто уединялся для молитвы. Говорятъ, что Фотій удалялся въ свою моленную въ бѣломъ хитонѣ особенной покрѣйки, и выходы его изъ уединенія имѣли нѣкоторый особенный характеръ.

писаніе сіе: „Чадо, помни послѣдняя твоя смерть, судъ, адъ, и царствіе небесное, и во вѣки не согрѣшишь (Сирах. VI, 39); „предаждь себя Богу во власть, и Той тебя наставитъ едино „на потребу во спасеніе искать. Ищи прежде Царствія Божія и „правды Его (Мѡ. VI, 33), и сія вся приложатся тебѣ. Сердца „чувство я пишу къ тебѣ, сыне мой! внимай себѣ и спасенію твоему. Миръ тебѣ“. Таковое надписаніе прочель онъ тайно, въ сундукъ положилъ, часто посматривалъ, перечитывалъ, вспоминалъ, что сіе значитъ надписаніе. Помысль ему сказалъ, что Богъ внушилъ ректору сіе написать; и ни объ чемъ уже не помышлялъ, какъ о томъ, чтобы дожить остальное время въ богословіи, молился, дабы устроилъ ему Господь все во благо и во спасеніе едино, яко самъ изволить. Во время оно вдругъ приходитъ предписаніе достойныхъ, лучшихъ учениковъ назначить и отправить въ академію Санкт-Петербургскую духовную. Призываетъ его, яко перваго, ректоръ архимандритъ Владиміръ, требуетъ желанія его, хочетъ ли въ академію ѣхать? Онъ же, будучи въ сіе время весьма слабъ здравіемъ, сказалъ въ отвѣтъ ему: готовъ тещи въ путь, въ онъ же зовещи ты меня, отче; правда, я немощенъ весьма, но да будетъ воля Божія во всемъ. Назначенъ будучи къ отправкѣ въ С.-Петербургъ въ духовную академію, поѣхалъ Петръ Спасскій въ домъ отца принять благословеніе въ новое мѣсто ученія и возвратился въ семинарію для отъѣзда. Когда прощался при отъѣздѣ съ ректоромъ Владиміромъ, то онъ внушалъ ему, что ректоръ въ семинаріи въ С.-Петербургѣ есть человекъ праведникъ, весьма благъ мужъ, то не забудьте явиться къ нему на благословеніе; августа 11-го дня 1814 г., Петръ отправленъ былъ прямо въ Санкт-Петербургъ въ Невскую Лавру, въ академію на почтовыхъ коняхъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

вое стремленіе служить этой цѣли. Постоянно ласковое обращеніе съ воспитанницами и матерински-нѣжная заботливость, которою она старается окружить ихъ, позволяютъ думать, что ея дѣятельность будетъ проникнута духомъ кротости и любви и тѣмъ религіозно-церковнымъ духомъ, который составляетъ отличительную особенность духовной школы. Кроме того, явно выраженная ею готовность самой лично выслушивать всѣ заявленія и входить въ разсмотрѣніе всѣхъ нуждъ и потребностей ученической жизни, обнаруживаетъ въ ней лицо, способное органически слиться съ жизнью учрежденія, на благо котораго она призвана. Уже и теперь найдется не мало людей, молящихся о ней Небесному Отцу, да озаритъ Онъ ей многотрудный путь служенія общественному дѣлу и утвердитъ на немъ для всесторонняго развитія и процвѣтанія вѣренныя ея заботамъ учрежденій.

Л-ъ.

Автобіографія Юрьевскаго архимандрита Фотія.

ГЛАВА IV.

ЛѢТО 1814,

(Продолженіе).

Студентъ Петръ августа 12-го 1814 года явился съ прочими къ пастырю своему и владыкѣ митрополиту Амвросію. Онъ принялъ всѣхъ, какъ своихъ, благословивъ отпустилъ, приказавъ явиться къ начальнику академіи ректору Филарету архимандриту ¹⁾. Когда не обрѣли его дома, сряду, помянувъ внушеніе своего архимандрита и ректора Владиміра, дабы явиться для благословенія къ ректору семинаріи и архимандриту Иннокентію, то искали входа къ нему; нечаянно въ залъ его вшедъ вопрошали самого Иннокентія, угощающаго Филарета, гдѣ живетъ Иннокентій? Между прочимъ говорили, что отца ректора Филарета искали, но нѣтъ дома и не знаемъ, гдѣ онъ; но не

1) Филаретъ (Дроздовъ).

знали, что сей есть съ нами говоряи Иннокентій, а сидяи у него Филаретъ. Филаретъ же сидя на диванѣ и улыбаясь говоритъ: Филаретъ въ лаврѣ, скоро, какъ я думаю, будетъ у себя дома, то вы можете его видѣть. По вечеру пришли къ Филарету, увидѣвъ его, благословились отъ него, и тогда познали, что видѣли его въ кельяхъ Иннокентія, онъ принялъ строго всѣхъ такъ, что въ страхъ всѣ отошли. Ректоръ же Иннокентій принялъ всѣхъ весьма кротко, ласково, весьма по сердцу всѣмъ явился; отведены были между прочимъ всѣмъ кельи: тогда былъ инспекторъ Филаретъ (который послѣ былъ ректоръ академіи Московской, въ Калугѣ архіереемъ, Рязани, въ Синодѣ въ 1827 году присутствующимъ и архіепископъ казанскій).

Какъ скоро собрались изъ всѣхъ семинарій ученики, назначенъ былъ частный экзаменъ всѣмъ вновь поступившимъ въ академію. Въ первый разъ самъ Филаретъ пришелъ дѣлать испытаніе. Вопросы состояли въ разборѣ и поясненіи шестидневнаго творенія міра. Собравшіеся же были ученики (изъ учителей, иные изъ инспекторовъ, а нѣкоторые, такъ же, какъ Петръ, изъ богословіи ученики. Иные были даже около 30, 38 и 40 лѣтъ отъ роду. Молебенъ въ Соборной лаврской церкви былъ отправленъ для всѣхъ, и началось общее для всѣхъ вновь поступившихъ учениковъ ученіе въ академіи.

Филаретъ былъ украшенъ звѣздою, крестомъ драгоценнымъ; росту средняго, смугль видомъ, власы средніе темнорусые, бороду долгую имѣлъ, лицомъ всегда свѣтль, весель бытъ казался, у него были глаза острые, пронизательные, видъ постень, строгъ и пріятень; поступъ его была не скорая, важная. Голосъ тихъ, тонокъ, но ясенъ; рѣчь внятная; говорилъ остро, высоко, премудро, но все болѣе къ уму, менѣе же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненіе священныхъ писаній: какъ бы все лилось изъ устъ его. Привлекалъ учениковъ такъ къ слушанію себя, что когда часы кончался ему преподавать, всегда оставалось великое усердіе слушать его еще болѣе безъ ястія и питія. Оставлялъ онъ сильныя впечатлѣнія въ умѣ отъ ученій своихъ, всѣмъ казалось истинно, пріятно, совершенно его ученіе. Казался онъ во время оно ораторъ мудрый, краснорѣчивый, писатель искусный. Все доказывало, что онъ много въ наукахъ занимался. Изъ разныхъ повѣствованій объ немъ слышно было, и самому

лично извѣстно, что былъ весьма сердоболень, милостивъ, любилъ монашескій санъ, ученыхъ, и желалъ, чтобы достойные всѣ поступали въ санъ монашескій.

Всѣ науки Петръ проходилъ весьма съ раченіемъ: болѣе всего упражнялся въ чтеніи толкованія св. писанію; не любилъ же крайне исторіи философской, коя исторія безъ нужды весьма пространно преподаваема была. Слабость тѣлесная дѣлала ему, препоны въ курсѣ ученія. Въ жилищахъ, гдѣ жилъ, было тепло но въ классахъ холодно; время отъ времени получалъ жестокую простуду.

Отъ великаго прилежанія такъ повредилъ Петръ себя, что въ очахъ мракъ имѣлъ, худо видѣть могъ среди дня, страдалъ слабостію въ груди и сухостію во всѣмъ тѣлѣ. Никакъ не хотѣлъ итти въ лазаретъ, боясь, дабы мясо во дни постные, млеко не заставляли ясти, и дабы, по примѣру прочихъ, не погибнуть отъ лѣченія врачей. Во святой и великій постъ противу устава церковнаго въ духовной академіи въ трапезѣ всѣмъ была рыба по днямъ воскреснымъ и праздничнымъ. Сіе послабленіе такъ же ему скорбь наводило, и онъ разсуждалъ говоря: почему же въ домѣ родителя я никогда не вкушалъ рыбы, а здѣсь ядятъ рыбу? доколѣ не испытаю, на какомъ основаніи церковномъ разрѣшеніе рыбы есть во святой и великій постъ, не буду ясти, и тако не вкушалъ; отъ слабости тѣлесной мало ѣлъ, пилъ, рѣдко ходилъ въ трапезу; столько же въ недѣлю снѣдалъ. сколько прежде во единъ день. Пища ему противна была; худѣлъ день ото дня, не зналъ, чѣмъ пособить себѣ; а чувствовалъ то одно, что духъ его ведетъ скорѣе на свободу въ монастырь и въ монашеское житіе.

Помысль ему пришелъ тогда, поиди и проси Филарета, дабы въ домъ отца отпустилъ тебя лѣчиться. По сему случаю, пришедъ видѣлъ наединѣ Филарета къ себѣ сострадательность и милость. Идя же къ Филарету, призывалъ Господа въ помощь, сталъ у дверей въ прихожей комнатѣ его. По докладу вскорѣ какъ вышелъ къ нему Филаретъ, вотъ видъ лица его былъ яко Ангела Божія; онъ сожалѣлъ о его болѣзни²⁾, взялъ на себя попеченіе искать средство

2) Докторъ Бокъ представлялъ академическому правленію, что Петръ Спасскій имѣетъ по природѣ весьма слабое сложеніе тѣла и особенно сильно страдаетъ грудью, къ продолженію курса неспособенъ. „Труды Кіев. дух. академіи“, 1875 годъ, іюнь, 705.

къ его облегченію. Петръ же говорилъ ему: отъ юности имѣю склонность къ монашеству; то исключи ты меня изъ святилища академическаго; я какъ получу облегченіе, пойду въ монастырь въ число послушниковъ куда-нибудь въ невѣдомья мѣста; я болѣе никуда теперь не годенъ, потерявъ совершенно мое здравіе. 1815 года, какъ звонъ начался ко всенощному бдѣнію въ Лаврѣ на день Вознесенія Господня, нѣкто пришедъ требуетъ Петра въ домъ митрополита Амвросія. Былъ еще онъ хотя весьма слабъ, боленъ, но на ногахъ ходилъ тогда, и пришелъ къ митрополиту. Святитель при очахъ Филарета представляетъ его искуснѣйшему доктору Каменецкому ³⁾ Петра освидѣтельствовать. Осмотрѣвъ его, сей врачъ говорилъ: о! какъ курица на гнѣздѣ сидитъ высиживая цыплятъ, изсидѣлся сей ученикъ въ трудахъ, весь изсохъ весьма тѣломъ; но будетъ живъ и здравъ, ежели уволить его въ домъ родителя, буде не далеко, на все лѣто; другаго средства нѣтъ; лѣкарства ему не помогутъ врачевныя, развѣ лѣтній воздухъ и свобода отъ трудовъ; мы врачи ему пособить не можемъ; Питеръ же ему вреденъ. Вслѣдствіе сего было разсуждаемо, на какой коштъ отправлять его въ домъ отца для облегченія его. Петръ объявилъ, что радъ въ домъ отца ѣхать, но у него даже и хлѣба нѣтъ; весь онъ залился слезами и сказалъ, что на хлѣбъ не имѣлъ дневный, а не токмо на путь. Въ сіе время слезъ его и скорбей, призываетъ Филаретъ его къ себѣ, вручаетъ ему денегъ отъ щедротъ митрополита 50 рублей, самъ даетъ своихъ 25 рублей и совѣтуетъ еще итти къ нѣкіимъ; онъ пришелъ и отъ тѣхъ получилъ по 5 рублей и тако почти около ста рублей у него собралось денегъ. Вообразить не можно, какая радость ему тогда была. Филарета же всегда имѣлъ предъ очами и усердно молился за него. Отъ сего времени видѣлъ въ Филаретѣ вину всего облегченія и будущее его благоволеніе.

Въ домѣ родителя Петръ находясь, всѣ средства употреблялъ къ выздоровленію своему. Ходилъ на ногахъ будучи болѣнъ; но когда ложился отдохнуть, то лишался владѣнія рукъ и ногъ до половины. Когда его пришедъ кто коснется за ноги и руки, то

³⁾ Каменецкій Осипъ Кирилловичъ, лейбъ-медикъ, умеръ 14 іюля 1823 года. Извѣстенъ какъ авторъ лѣчебника народной медицины. Старымъ людямъ, требовавшимъ отъ него здоровья, откровенно говорилъ: „надобно честь знать“.

мало по малу приѣмля оживленіе возставалъ и начиналъ ходить, а посему всячески убѣгалъ возлежанія на одрѣ въ дому и вездѣ днемъ, кромѣ единыя нощи. Старался ходить по лугамъ, берегамъ рѣки, по цвѣтистымъ нивамъ и полямъ въ лучшіе дни, дабы тѣмъ себя веселить и облегчить чрезъ воздухъ. Нѣкогда срѣтилъ его близъ берега на лугу у рѣки бояринъ Балле ⁴⁾, пригласилъ его къ себѣ, и просилъ ходить въ домъ его для пользованія себя, гдѣ для пріятности занятія преподавалъ Петръ дѣтямъ его науки въ часъ облегченія. Онъ же ему всячески съ семействомъ старался доставить здравіе. Но Петру не было тягчае, и не было легче; козьи сливки ему не помогали, все человеческое и земное усиліе было тщетно; ничто не могло облегчить болѣзни, нарушеніе же поста вредъ дѣлало томко одинъ вмѣсто здравія.

Наступаетъ уже августъ мѣсяць въ половинѣ, третій мѣсяць на исходѣ, какъ Петръ живетъ въ домѣ родителя, не имѣетъ желаемого нужнаго укрѣпленія силъ тѣлесныхъ. Въ домѣ родителя поросенокъ былъ такъ же, какъ Петръ, въ сухотѣ и чахоткѣ, и жилъ въ домѣ съ нимъ; онъ не пилъ и не ѣлъ; Петръ, смотря на него, сравнивалъ съ собою, что сія скотина свинья и млека не ястъ отъ чахотки и болѣзни внутренней, какъ и онъ самъ чувствуетъ отвращеніе отъ всего. Но какъ мало нѣчто зналъ врачебное искусство, сдѣлалъ масло изъ цвѣтовъ звѣробоя, или иначе называемой травы: кровь Іоанна Крестителя. Поросенокъ сей, едва ходя, услышавъ духъ масла звѣробойнаго, пришелъ къ сосуду и отвѣдавъ все испилъ. Послѣ увидѣвъ Петръ что облегченіе получаетъ онъ вскорѣ; помысль ему внушилъ настоящаго масла дать ему съ млекоу; поросенокъ ни къ чему не прикасался иному, а масла съ млекоу все испилъ и начиналъ послѣ ѣсть и пить; и такъ постепенно здравъ вскорѣ сдѣлался. Мачиха сказала ему: вотъ ты скотовъ врачуешь, а самъ почему же не хочешь тѣмъ же себя лѣчить? Видѣвъ сіе, началъ Петръ по малу звѣробойнаго масла принимать въ питіи

⁴⁾ Помѣщикъ Петръ Ивановичъ Балле былъ въ то время предводителемъ мѣстнаго дворянства. Будучи уже архимандритомъ и имѣя большой вѣсъ въ обществѣ, Фотій много помогаль и покровительствовалъ бывшему своему благодѣтелю, человеку вообще небогату. Такъ какъ Балле былъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, то Фотій обратилъ вниманіе и на его духовную сторону и убѣдилъ его принять православіе.

и пищу, а особенно съ сокомъ рѣдки исцивать; вскорѣ получилъ облегченіе и въ двѣ недѣли хотя не совсѣмъ, но получилъ возможность даже отправиться въ С.-Петербургъ; приуготовилъ себѣ нѣсколько пудовъ травы сея, цвѣтовъ звѣробоя въ домѣ отца своего, но часть одну съ собою взялъ въ путь. Когда пріѣхалъ, увидѣлъ, что не совсѣмъ получилъ здравіе, а отъ товарищей поотсталъ, и долженъ лишній годъ сидѣть въ академіи для наукъ, просилъ, дабы его лучше выбросить изъ академіи. Богъ ему помогъ въ семъ; предложено было, куда онъ хочетъ, въ міръ, или духовное вѣдомство? онъ сказалъ: отъ юности моя я не хочу нигдѣ жить, кромѣ монастыря, и хочу въ монастырѣ умереть и быть въ монашествѣ. Изъ трехъ мѣстъ ему три были приуготовляемы: два въ Новгородской епархіи инспекторскія и вмѣстѣ смотрительскія мѣста при училищѣ; а едино учительское при семинаріи С.-Петербургской въ Лаврѣ самой. Желалъ же онъ быть въ Лаврѣ самой, дабы на классъ богословія и св. писанія ходить было возможно ему къ Филарету и усовершенить себя въ томъ, въ чемъ онъ недостатки имѣлъ. Призываетъ его Филаретъ къ себѣ; взираетъ на него остро, но съ Ангельскою кротостію и благостію; взираетъ свѣтлымъ лицомъ и говоритъ: „я не хочу тебя (Петръ Спасскій) изъ виду упустить, будь въ моихъ очахъ ты, я въ тебѣ предвижу надежду добрую“. По его же благоволенію благоволилъ ректоръ семинаріи Иннокентій принять его въ учителя къ училищу при семинаріи въ Лаврѣ Невской.

Въ теченіе житія въ Санктъ-Петербургской духовной академіи, самъ своими очами что онъ видѣлъ, и самъ дозналъ, и испыталъ, то здѣсь повѣдается. Сила, красота, достоинство и слава духовной академіи былъ одинъ Филаретъ. Петръ студентъ его любилъ и думалъ, что во всю жизнь свою не обрящетъ себѣ другаго по сердцу болѣе. Ученики академіи, особенно же поступившіе изъ С.-Петербургской семинаріи, самые скарѣдныя слухи разсѣивали о немъ; больно было даже слышать ихъ. Скорбѣлъ Петръ, а пособить не могъ; строгое его Филарета смотрѣніе, взысканіе обращали въ злое намѣреніе, приписывали его злобѣ, и любовь къ нему немногіе имѣли. Когда слушали его проповѣдь и Иннокентія; то одни отдавали преимущество Филарету, а другіе Иннокентію въ духѣ и краснорѣчіи. Петръ же

любилъ Филарета, какъ своего ректора; видѣлъ въ словахъ его умъ, глубину, таинственность смысла и знанія, а въ Иннокентіи замѣчалъ ревность и любовь по Бозѣ; Филарета почиталъ, а Иннокентія любилъ. Всякой видъ, всякое мановеніе, движеніе замѣчалъ въ Филаретѣ, и учился съ нихъ образъ перенимать всего.

Начальники и учителя были монашествующіе іеромонахи, магистры съ крестиками; Аѳанасій (Протопоповъ), Григорій (Постниковъ), Моисей (Платоновъ), Кирилль (Богословскій), всѣ они нынѣ въ архіерейскомъ санѣ.

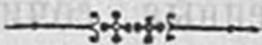
Ученики были достойные въ академіи; клевета ученическая не была дѣйствительна предъ лицомъ начальниковъ и учителей, успѣхи достойно были награждаемы похвалами; распоряженіе по отдѣленіямъ учениковъ были справедливо. Тщаніе учителей въ преподаваніи было примѣрное; всѣ были съ достаточными свѣдѣніями и всякъ по своей части особенно. Зло все происходило въ порчѣ нравовъ у многихъ учениковъ: 1) что дозволено было ходить въ театръ и часто въ городъ преподавать ученіе въ домахъ другимъ дѣтямъ. Нѣкоторые, побывъ въ театрѣ, съ восхищеніемъ рассказывали видѣнное все на прелесть. Отъ имени Филарета позволеніе, сказывали иные, ходить въ театръ для навыка свободному произношенію и дѣйствию. Всеусильно иные влекли Петра въ театръ, но онъ говорилъ: не вѣрю, что Филаретъ благоволитъ кому-либо быть въ театрѣ и совѣтуетъ отъ демоновъ театральныхъ во плоти имѣть пользованіе; не вѣрю. Никогда не увидеть моя нога во вражіе собраніе. Воистину почитая все за едину прелесть, порчу нравовъ, діавольское дѣло, не былъ онъ никогда въ театрѣ, книгъ никакихъ, статей не читалъ театральныхъ, дабы ядъ сочиненій театральныхъ и подобныхъ не травилъ его душу и въ монашествѣ ко спасенію во свое время препонъ не сдѣлалось.

2) Въ академіи было позволяемо читать вновь вышедшія сочиненія, какъ то: Штиллинга, Еккартсгаузена ⁵⁾ и прочія романическія и вольномысленныя сочиненія. А посему нѣкоторые растлѣнные въ нравахъ, читая повѣствоввали такія скаредности по вечерамъ, что внушаемое ядовитсе свѣдѣніе мерзостей

5) Это были нѣмецкіе мистики.

скорбно было слышать. Пособить не можно было: ибо изъ лучшихъ учениковъ иные симъ занимались. Такъ же приходящіе ученики изъ города пересказывали разные рѣчи къ разжитанію плотскихъ страстей. Академія была въ Невской Лаврѣ, а посему за своевольными отлучками начальство усмотрѣть не могло всегда, хотя открывавшіяся дерзости и соблазны начальство строго наказывало въ примѣръ другимъ. Досаднѣе было всего то, что въ ученикахъ было явное различіе въ вѣрѣ, ученіи и благочестіи, какъ бы были они изъ разныхъ исповѣданій; пороки великіе были такъ, что иные въ скаредныя болѣзни впадали. За что Филаретъ хотя по ученію лучшихъ бывшихъ, но изгналъ изъ академіи навсегда.

Въ ученикахъ академіи не было единого духа Христова, единого ума, единого ученія и единыя вѣры. При случаяхъ было явно все оказываемо. Выходили споры о тысячелѣтнемъ царствованіи на землѣ Христа, и о вѣчности мученія и о другихъ вещахъ духовныхъ; нѣкоторые любили уклоненіе отъ св. писанія, а другіе таинственность вездѣ находить. Святыхъ отцевъ не давали читать изъ академической библіотеки, ибо никто совѣта не подавалъ и примѣра. Толковники на св. писаніе были рекомендованы и выданы нѣмецкіе и прочіе иновѣрные, болѣе ко вреду, нежели на все полезное. Все ли было извѣстно Филарету, неизвѣстно. Во все время слушанія его чтеній, никогда не замѣтилъ Петръ и не могъ замѣтить даже единой тѣни противу ученія церкви, ни въ классахъ въ академіи, ни частно. Не слышалъ отъ устъ его даже частно внушенія противу церковнаго ученія и святыхъ отецъ. По благодати Всевышняго вышелъ съ хорошимъ свидѣтельствомъ изъ академіи за собственноручнымъ подписомъ Филарета, по болѣзненному состоянію, 1815 года сентября мѣсяца. Тако совершилъ четвертое проприще житія своего.

ГЛАВА V.

Житіе въ должности учителя.

Начатки учительства.

ЛѢТО 1815.

Поступивъ въ учителя при С.-Петербургской семинаріи въ училище ⁶⁾, Петръ Спасскій обращалъ все вниманіе на учениковъ и прилагалъ все попеченіе объ успѣхахъ ихъ въ наукахъ; ученики всѣ любили его какъ отца, слушали какъ учителя. Живя съ ними на однѣхъ сѣняхъ, надзиралъ за ихъ успѣхами внѣ классовъ, какъ и въ самыхъ классахъ. Живя одинъ, не имѣлъ у себя для прислуги въ кельяхъ никого; ученики его сироты, бѣдные лучшіе были успѣхами и поведеніемъ. Они ему прислуживали въ свободные часы и наблюдали чистоту въ его кельи. Онъ же одну имѣлъ келью и ту малую. Отличные успѣхи, удивительное и строгое въ немъ житіе видѣвъ ректоръ и архимандритъ Иннокентій, обращалъ на него свое вниманіе и приглашалъ его къ себѣ, дабы къ нему ходилъ для назиданія душевнаго.

ЛѢТО 1816.

По назначенію Иннокентія сочинилъ Петръ слово „въ чемъ состоятъ будетъ будущее единеніе въ Богѣ вѣрныхъ“, принесъ къ нему, онъ же удивлялся глубокимъ понятіямъ въ словѣ о духовныхъ вещахъ, представляетъ митрополиту Амвросію, читаетъ ему слово самъ и объявляетъ Петру Спасскому его благословеніе. Болѣзнь его не позволила сказать въ 27-е генваря въ храмовой праздникъ въ Невской лаврѣ въ церкви; ибо кровохарканіе сдѣлалось у него великое; вотъ какъ слабъ былъ и нездоровъ Петръ по выходѣ изъ академіи. Ему назначено

⁶⁾ Находясь въ духовномъ училищѣ, Фотій преподавалъ латинскій и греческій языки, славянскую грамматику, церковный уставъ и законъ Божій. «Описаніе Новгородскаго Юрьева монастыря архимандрита Макарія», изд. 2, 1862 г., стр. 136—137.

было еще слово въ день храмовый на кладбищѣ въ церкви праведнаго Лазаря. Написавъ слово, принесъ оное къ Иннокентію, оно было о томъ, въ чемъ состоитъ смерть души нашей. Какъ цензоръ, Иннокентій разсматриваетъ слово, читаетъ при немъ и вопрошаетъ его: какія ты, брате, читаешь книги? Петръ же отвѣчалъ: отче святыи! святыхъ отецъ книгъ не имѣю, новѣйшихъ книгъ и проповѣдей не читаю, терпѣть не могу мірскихъ книгъ; одну святую Библию имѣю и оную читаю. Онъ ему сказалъ: не читай же никакихъ новѣйшихъ книгъ ты. Онъ слово его представилъ митрополиту Амвросію, читалъ ему вслухъ самъ; и особенное благоволеніе за то принесъ ему отъ владыки и Филарета. Павелъ Саббатовскій, архимандритъ ректоръ, послѣ архіепископомъ астраханскимъ бывшій, тогда на чредѣ слова будучи, старецъ сѣдиною еіяй, выслушавъ слово его, ему подавая благословеніе, говорилъ: доселѣ я никогда такого назидательнаго слова не слыхахъ; да благословитъ тебя Господь Своею благодатію. Послѣ сего возвѣщаетъ онъ и архіерей Амвросій ⁷⁾ митрополиту Амвросію о сказаніи слова сего. Петръ въ любовь святителя и начальства пришелъ болѣе; Филаретъ ему любовь свою при всякихъ случаяхъ являлъ; а Иннокентій ему являлся, яко отецъ всегда и Ангелъ Господень.

Книгъ Петръ не имѣлъ никакихъ, кромѣ св. Библии и молитвенника: въ кельи же горѣла у него неугасимо предъ св. иконою лампадка съ елеемъ; вотъ его едино веселіе въ нощи было, въ часы свободы отъ должности учительской.

Въ сіе время смотритель училища Михаилъ Логановскій: по тайности ему сказывалъ, что есть у Филарета тайная книга о судьбѣ будущей и церкви подъ названіемъ духовнымъ: въ ней сказано, что впредь будетъ, что скоро будто бы Христосъ придетъ на землю и многое любопытное. Сіе Петра весьма нудило прочесть книгу сію; но боялся вредъ получить. Гдѣ, у кого, не извѣстно ему, онъ досталъ, принесъ оную, дабы скорѣ прочитавши возвратить. Читая книгу сію, толкованіе на Апока-

⁷⁾ Фотій навѣрное имѣетъ здѣсь въ виду Амвросія Орнатскаго, который, какъ викарій Новгородскаго митрополита, въ силу этого обязанъ былъ часто являться къ своему начальнику въ Петербургъ для личныхъ разъясненій по разнымъ вопросамъ, возникавшимъ по управленію обширной новгородской епархіей.

линеисъ Штиллинга ⁸⁾ проклятаго, замѣчалъ наскоро мало нѣ-
что въ умѣ, и видѣлъ явно противность, отступничество отъ
вѣры, лжепророчество, нечестіе, ересь разнаго рода и втайнѣ
новаго зловѣрія все ученіе и дѣло въ ней. Отдалъ скоро книгу,
дабы никто не увидалъ, что читана.

Просилъ нѣкогда Михаила учителя и смотрителя, дабы еще
онъ ему доставилъ откуда-нибудь книгу прямо ко спасенію души.
Онъ вскорѣ гдѣ-то взявъ, приноситъ ему книгу подъ названіемъ
„Путь ко Христу“ (Акова Бема ⁹⁾). Читалъ онъ книгу и ересь ереси
горшу видѣлъ: Почитавъ еще нѣсколько, не дочитавъ же книги,
держа оную въ рукахъ, какъ сидѣлъ среди полудня у самаго
окна, вдругъ почувствовалъ въ себѣ нѣкое смущеніе внутрь, тягость
въ головѣ и мракъ въ умѣ; свѣтъ разума отъ него взимался и
чувствовалъ себя въ нѣкоемъ видѣ изступленія, — внѣ себя, въ
духѣ тяжкомъ и горькомъ. Нападаетъ ужасъ на него, страхъ и
трепетъ. Вдругъ аки бы кто хочетъ снять съ тѣла его кожу;
отъ ужаса тотчасъ вострепеналъ, почувствовалъ сряду, что ви-
ною болѣзни и тягости книга, и то, что вниманіе углублялъ
въ нее. Итакъ плюнулъ на книгу сію Акова Бема подъ назва-
ніемъ „Путь ко Христу“; бросилъ ее на полъ; ставъ на мо-
литву съ глубокимъ вздохомъ обратился къ Господу, знаменалъ
себя знаменіемъ креста, сотворилъ молитву съ воздѣяніемъ рукъ;
и вотъ опять свѣтъ началъ являться въ умъ его, веселіемъ ис-
полнялось сердце его, и плача благодарилъ слезно Бога, что
тотчасъ избавилъ отъ бѣды. Отселѣ боялся читать книги подъ
названіемъ духовнымъ, но составленныя не отъ святыхъ учите-
лей церкви православныя и не съ духовной цензуры изданныя.
Удивлялся же, почто духовная власть знаетъ изданіе таковыхъ
книгъ, но какъ бы до ея дѣло не касалось, молчить и не пре-
пятствуетъ зловредному изданію оныхъ книгъ.

Когда приходило время вакаціонное, отправлялся въ домъ ро-
дителя. Живя въ домѣ родителя, отъ трудовъ своихъ пріобрѣтеніемъ
подавалъ пособіе ему въ содержаніи, и отъемля бѣдность и убо-
жество изъ дому его, и слезы его обращалъ въ радость. Родитель

⁸⁾ По своему содержанію книга враждебна православной церкви и отзывается протестантскимъ духомъ.

⁹⁾ „Путь ко Христу“ Я. Бема стоитъ въ противорѣчій со многими пунктами православнаго ученія.

его осыпалъ съ любовію благословеніями, и въ радостныхъ слезахъ молилъ Бога о немъ, дабы его спасъ. Въ домъ же родителя бывъ, онъ ходилъ въ домъ боярина Балле. Онъ ввѣрялъ ему обучать пять дѣвицъ, въ томъ числѣ своихъ четырехъ дочерей, и двухъ сыновъ. Въ домъ его, какъ самый ближній родственникъ, онъ сдѣлался, и ему во всемъ была довѣренность. Между прочимъ въ уроченное время преподавалъ ¹⁰⁾ законъ Божій, читалъ и пояснялъ св. писаніе, и дошедъ по порядку во евангеліи отъ Матѳея о пришествіи Господа нашего на землю на страшный судъ, о неизвѣстности часа, дня и времени пришествія Его, отъ всея горячести былъ самъ тронутъ чувствомъ сердечнымъ, прослезился, и всѣ начали рыдать, коль страшно нечаянно человѣкамъ безъ приготовленія предстать предъ лице Господне; и говорилъ онъ, что всѣ такъ ограничены въ познаніи будущихъ Божіихъ судебъ о себѣ самихъ, что не знаетъ никто, что завтра съ нимъ будетъ: и смотря на все селеніе, гдѣ домъ былъ и родителя его, указывалъ въ слезахъ имъ, кто знаетъ, что и когда съ симъ селеніемъ послѣдуетъ? Богъ вѣсть, доколѣ Богъ благоволитъ терпѣть? Страшно видѣть пожаръ селенія; koliko же страшно зрѣть нечаянно весь міръ, отъ огня возгорѣвшійся и сожигаемый; а въ свое время огню будетъ преданъ міръ весь. Первый міръ при Ноѣ водою былъ потопленъ, а нынѣшній міръ огнемъ потребленъ будетъ; кто можетъ вѣдать разумъ Божіихъ судебъ, когда чему быть? Духъ въ немъ такъ возмутился, что самъ растрогался, и всѣ плакали съ нимъ.

Пополудни въ 2 часа 21-го августа не было никого въ домъ отца, а всѣ были на жатвѣ. Пришелъ онъ съ погоста на жатву, сидѣлъ на жнивѣ времени яко часъ; и вдругъ возрѣвъ на селеніе, гдѣ посреда близъ церкви домъ отца его, видитъ дымъ много, великъ, послѣ огонь, и что селеніе отъ начала своего возгорѣлось сильнымъ пламенемъ, и грозитъ пожаромъ всему до конца. Поспѣшилъ онъ въ селеніе первый скоро; вбѣжалъ онъ

10) Объ образѣ жизни Фотія у помѣщика Балле сохранился отзывъ одного изъ современниковъ, который говоритъ, что Фотій совершенно не былъ похожъ на обыкновеннаго молодого человѣка, онъ былъ крайне скромнъ, молчаливъ, вѣль рѣдко и умѣренно и то пищу постную. Любимое блюдо его было — овсяный супъ и тотъ безъ соли. Когда хозяинъ дома говорилъ Фотію, что у него супъ безъ соли, то онъ отвѣчалъ, если посолятъ, то много съѣсть. Пожайскій „Историческій Вѣстникъ“, 1888 годъ, іюль, 148—151.

на колокольню, дабы всѣмъ на жатвѣ людямъ возвѣстить въ колоколь о пожарѣ. Пламень же бѣжитъ все пожрать, и какъ вихрь съ вихремъ доходить до дома отца его; а посему съ колокольни прибѣжалъ въ домъ Петръ сынъ, куда и отецъ его явился такожде, но что дѣлать? Все уже горитъ; выбѣжавъ изъ дому видѣть, что гдѣ во всемъ селеніи дѣлается, и се видитъ, что оно со всѣхъ четырехъ концовъ горитъ; единъ храмъ Божій цѣль посредѣ еще, хотя и тотъ въ опасности стоитъ, но не сгораетъ, и около него все огнемъ пожирается. Ничего не можно было изнести изъ дому; ища въ домѣ отца своего, Петръ сынъ, дабы исторгнуть изъ пламени, но не видя его, уходитъ сквозь огонь со двора; отца же не можетъ вызвать изъ дому; во изступленіи родитель внутри дома ходитъ; пламень же усиливается и все объемлетъ, тогда онъ, возрыдавъ съ горькими слезами, всячески звалъ изъ домъ отца вонъ, чтобы отецъ не сгорѣлъ; какъ его соблюсти? со всѣхъ сторонъ огонь, что дѣлать? Жаль отца; вотъ окрылся Петръ шерстянымъ своимъ одѣяніемъ, закрывая лице, главу свою отъ пламени, жара, вбѣжалъ въ домъ, схватилъ родителя своего, силою нѣкоею великою одолѣлъ и влекъ исторгая противящагося его, обезумленнаго отъ огня и тако исхитилъ его въ безпамятствѣ; на улицѣ же предъ домомъ родитель пришелъ въ чувство, схвативъ, объялъ сына своего Петра, началъ плакать, вопіять горькими слезами глаголя: Боже, Боже, почто мя оставилъ еси? Изъ горькой бѣдности лишь я началъ исходить, и се въ горчайшую нынѣ нищету повергаюся! Кто отретъ мои слезы? Я состарѣлся и боленъ, сила моя оставляетъ меня, я работать не могу; стою полунагъ; нѣтъ нынѣ у меня ни крохи хлѣба, ни одежды, ни покровы; и нѣтъ надежды ни единыя; куда пойду искать себѣ помощи? Тогда сынъ объявши родителя, утѣшая его, держа его, въ огонь хотящаго броситься въ горести, не пустилъ отъ себя говоря: отче, отче мой! воля Господня на насъ! воззовемъ къ Нему; Господь ли насъ въ горькихъ слезахъ оставитъ, когда мы Его не оставимъ? Отче мой! утѣшься отъ плача! престани отъ слезъ; се храмъ Божій отрада твоя стоитъ, не сгораетъ: придемъ, припадемъ, поклонимся Самому Христу—Цареву и Богу нашему, умилимся предъ Нимъ, и Той услышитъ насъ въ слезахъ нашихъ; огонь все вездѣ пожираетъ; изыдемъ отсюда на поле на гумно. Петръ со отцемъ ставъ зрѣлъ на все селеніе

горящее отъ конца до конца; все какъ одна печь была огненна. Люди, стекшіеся отовсюду, защищали храмъ отъ огня и вреда; и онъ не потерпѣлъ ничего. Къ вечеру же все селеніе, числомъ яко 100 домовъ въ пепель обращается.

Всѣ бѣдны остаемся; всѣ гладны, всѣ горестны; всѣхъ единая пища была— слезы, скорбь, плачь и рыданіе. Петръ видѣлъ персть Божій въ семъ сожженіи своея родины. Ибо два младенца не имѣли матери своея дома; всѣ были люди и жители въ поляхъ на жатвѣ; взяли огня они, внесли для забавы дѣтскія въ хлѣвину внѣ двора, гдѣ была солома одна, и разложили огонь. На кого же тогда гнѣвъ было изводить? Воля Божія въ дѣтяхъ была. Тогда-то онъ положилъ на сердце своемъ вскорѣ отрешися міра, и облещися во образъ иноческій, не хощу болѣе жить въ мірѣ, да не умру съ сынами міра во грѣхахъ моихъ и суетахъ. Посемъ вскорѣ собрався съ отцемъ своимъ, прибылъ въ С.-Петербургъ, гдѣ родная сестра отца видѣвъ проливаетъ слезы о бѣдности его; зраше, что онъ въ крайнюю бѣдность пришелъ, чуждается его, удаляется, будучи богата весьма, многія тысячи имѣя въ сохранной казнѣ; вручаетъ на бѣдность токмо ему въ семь копѣекъ цѣною бѣлой торговой хлѣбъ; пришедъ къ сыну учителю Петру своему, родитель Никита повѣдалъ, что сестра ничего ему не дала. Тогда Петръ вздохнулъ горько и сказалъ: горе богатымъ. Змій есть сребролюбіе! Кого давить начнетъ врагъ скупостію, кто избавитъ отъ смерти того окаянную душу, развѣ Единъ Богъ? Свои родные своихъ оставляютъ безъ куска хлѣба, между тѣмъ какъ сами пресыщаются отъ вина, сикера, всякихъ сластей, и псамъ всего у нихъ въ сытость. По семъ научилъ Петръ сынъ отца итти къ митрополиту Амвросію просить у него милости. Отецъ его, а съ нимъ и весь причтъ пришли къ архіерею сему; но онъ едва пятьдесятъ на всѣхъ рублей далъ; у всѣхъ родитель Петра на колѣняхъ ползалъ, слезилъ, кланялся, искалъ помощи что холоденъ, голоденъ есть. Оставивъ всѣхъ и все, учитель сынъ Петръ шелъ къ эконому училища, молилъ его впредь дать жалованья ему положеннаго, и дано было ему сто рублей. Всѣ тѣ деньги онъ отдалъ отцу; самъ же остался безъ всего съ однимъ хлѣбомъ: и того тайно приносили ему изъ общей ученической трапезы. Во всемъ терпѣлъ скудость самъ Петръ. По-

семь Богъ послалъ для образованія трехъ отроковъ ему, коихъ онъ у себя содержалъ, училъ. За нихъ получилъ яко около двухъ тысячъ. Все же, что оставалось отъ ихъ содержанія, отдавалъ бѣдному родителю и сродникамъ своимъ, пострадавшимъ отъ пожара. Петръ никогда отъ рода не пилъ вина, водки и пива капли не бралъ во уста. Всегда былъ воздержанъ, навывнувъ въ бѣдности отъ юности воздержанію. На угощенія не ходилъ никуда. Хотѣлъ быть отрадою, подпорою бѣдному родителю, и имѣлъ надежду на Бога. Благословеніе родительское было на сынѣ, и Богъ его благословлялъ. Сынъ учитель Петръ положилъ готовиться втайнѣ къ принятію образа ангельскаго, дѣвственнаго, монашескаго. И, не будучи еще монахъ, жилъ весьма строго, по правиламъ монашескимъ.

Конецъ первой части.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Отъ Императорской Археологической Коммисіи.

При раскопкѣ полей, въ случайныхъ земляныхъ обвалахъ, при копаньи земли для проведенія дорогъ и другихъ цѣлей, а также при иныхъ весьма разнообразныхъ обстоятельствахъ иногда обнаруживаются разные металлическіе, костяные и стеклянные предметы древности. По закону, всѣ такія находки доставляются мѣстному начальству, а послѣднимъ въ Императорскую Археологическую Коммисію, отъ которой и назначается находчику денежное вознагражденіе, вещи же наиболѣе замѣчательныя поступаютъ въ Императорскій Эрмитажъ и другія Высочайше назначенныя древнехранилища. Но весьма нерѣдко, по невѣдѣнію находчиковъ, такіе предметы уничтожаются или забрасываются, а цѣнныя сбываются за дешевую цѣну скупщикамъ, которыя обыкновенно увѣряютъ, что найденныя вещи отбираются начальствомъ безъ всякаго вознагражденія за нихъ. Такимъ образомъ для науки и отечественныхъ музеевъ гибнетъ безслѣдно масса драгоценныхъ памятниковъ старины.

Вслѣдствіе этого Императорская Археологическая Коммисія считаетъ своею обязанностію объявить:

постараемся раскрыть, почему силенъ еще расколъ въ настоящее время, и какія мѣры должно употреблять для болѣе успѣшной борьбы съ глаголемыми старообрядцами.

І. Е.

Извлеченіе изъ автобіографіи Юрьевскаго архимандрита Фотія *).

(Продолженіе).

КНИГА II.

Глава I.

Лѣто 1817.

О постриженіи въ монашество.

Прежде постриженія о. Фотій непремѣнное желаніе въ сердцѣ своемъ положилъ себя испытать, способенъ ли онъ къ монашеству: началъ искусь свой съ поста. Наступаетъ святой постъ Рождества Христова. Съ начала поста, онъ во дни постился, въ нощи молился Богу. Чѣмъ болѣе постился, тѣмъ болѣе сладости, усердія внутрь себя къ Богу имѣлъ. Приходитъ мясоистіе, запретилъ совершенно готовить себѣ не токмо мясо, но всякую иную пищу отъ млека и масла. Наступилъ святой и великій постъ. Онъ рѣшился испытать себя въ пощеніи еще вящше: удаляясь даже иногда сухоядѣнія, не принималъ даже воды холодныя. Послѣ принятія св. таинъ отъ руки блаженнаго Иннокентія, послѣдній звалъ всѣхъ и его къ себѣ ко утѣшенію. Петръ же чувствовалъ слабость велию въ ногахъ; всѣ видятъ, что онъ спалъ съ лица; мнятъ, что онъ боленъ; онъ же всѣхъ увѣрялъ, что здравъ есть, но ему вѣры не имѣютъ. Дивятся знающіе его; но не вѣдаютъ вины его худости; онъ же отъ всѣхъ таилъ все. Блаженный же Иннокентій, провидѣвъ

*) Новгор. Еп. Вѣд. 1894 г. № 16-й (15 августа).

все, сказалъ: у меня болятъ ноги; то я знаю, отъ чего ты слабъ: Богъ да благословитъ твою немощь ¹⁾).

Открывается въ оное время мѣсто законоучителя въ первомъ кадетскомъ корпусѣ. Въ недѣлю православія митрополитъ Амвросій и архимандриты и ректоры: Филаретъ и Иннокентій съ нимъ ѣдутъ вмѣстѣ въ Казанскій соборъ на совершеніе чина православія. Начинается у нихъ рѣчь, кого въ законоучителя послать. Филаретъ проситъ Петра послать; Иннокентій, радъ будучи сему, настаиваетъ, дабы его же сдѣлать. Митрополитъ же Амвросій имѣлъ къ нему благоволеніе; и когда бывалъ празникъ и для многихъ столъ у него, тогда и Петра приглашалъ, Иннокентій объявляетъ архипастырю, что онъ всегда въ монашество готовился и нынѣ готовится, хотя отъ всѣхъ все скрываетъ. Итакъ положено ему объявить, дабы онъ подалъ прошеніе въ монашество прежде, а о законоучительствѣ скрыть отъ него понятіе. Поликарпъ инспекторъ семинаріи волю его объявляетъ; Петръ удивляется званію въ монашество нечаянному. Ибо никому о монашествѣ не говорилъ. Радость отняла весь мой умъ, я не знаю, что, какъ писать прошеніе по обычаю; а посему написалъ ему Поликарпъ прошеніе, онъ подписалъ оное; ему 24 года съ половиною было, а написано 30. Февраля 12-го въ понедѣльникъ вторыя недѣли святаго и великаго поста принесъ Иннокентію свое прошеніе. Онъ 32 года написалъ ему въ прошеніи и, снова самъ переписавъ, далъ подписать оное; отнести же онъ посылаетъ Петра самого лично къ митрополиту по его благословенію. Онъ приноситъ прешеніе владыкѣ, вручаетъ лично; онъ же, читая, вопрошаетъ: хочешь ли въ монашество? Онъ отвѣщаль: хочу, владыко святой! Видѣвъ его, что весьма блѣденъ, сухъ лицомъ, говоритъ: Ахъ! какъ ты немощенъ; я хочу послать тебя на великіе труды, а ты силъ тѣлесныхъ мало имѣешь: боюсь, дабы ты вскорѣ не умеръ: повѣдай мнѣ чадо мое, отчего ты худъ? чѣмъ ты боленъ? Онъ сперва не хотѣлъ повѣдать, но какъ онъ паче, приблизивъ его отечески испытуя, говорилъ: скажи мнѣ, не бойся, я грѣхъ твой никому не объ-

¹⁾ Иннокентій любилъ заниматься стоя у аналоя (конторки) и отъ усталости засыпалъ иногда на каменномъ полу кельи, около аналоя, чѣмъ много вредилъ своему здоровью.

явлю, аще ты отъ грѣха коего боленъ. Видѣвъ, что настоитъ пастырь добрый о Петрѣ-овцѣ своей испытать, палъ тогда онъ ему въ ноги и открываясь говорилъ: три мѣсяца, какъ я непрестаннымъ постомъ себя удручаю: и не зналъ доселѣ, что такъ скоро предварить меня званіе въ монашество. Нѣсколько дней уже, какъ я не употреблялъ ни ястія, ни питія крайне нужнаго. И отъ сего-то я худъ, немощенъ, но веселъ, здоровъ, труды всякіе нести могу. Февраля 15-го дня, въ четвертокъ, объявляетъ ему Иннокентій, что указъ послѣдовалъ пострижи его въ монашество, и сказалъ, дабы онъ готовъ былъ 16-го въ пятокъ принять на себя образъ Ангельскій. Онъ говоритъ ему: Отче! по вѣщности не готовъ; вещей нужныхъ не имѣю. Но вотъ Филаретъ милостивый даетъ ему рясу, подрясникъ бархатный, сто рублей, молитвенникъ и четки. Ему велѣно было отъ Иннокентія рѣчь сказать ему; почему пріявъ даръ, благословеніе и наставленіе ко вступленію въ новое Ангельское житіе во плоти, говорилъ ему: „Владыко святой! Отецъ и архипастырь! не имѣю ни смысла, ни разума на сей часъ Тебѣ слово благодарности сказать; я сынъ твой; развѣ Отцу небесному моленіе мое пролить малое сіе: Отче небесе и земли! да святится имя Твое на мнѣ. да будетъ воля Твоя во мнѣ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь. Ты же, святителю Божій, меня благословляя, благослови во имя Господне на новый подвигъ!“ Иннокентію онъ сказалъ, что митрополитъ спрашивалъ, какое имя онъ самъ желаетъ избрать; самому же ему предложено отъ Иннокентія избрать наставника и отца въ монашествѣ. Онъ же отвѣщалъ ему: отче святой! кто меня любитъ о Господѣ, тотъ самъ благоволитъ мнѣ быти отецъ о Господѣ. И аще Богъ избираетъ тя родить меня во Христѣ, то буди ты по Бозѣ отецъ мой. Сказалъ же Иннокентій: по вѣрѣ твоей Господь вѣдаетъ, кого дать тебѣ во отца. Здѣсь конецъ его житія въ мірѣ.

Лѣта отъ Рождества Христова 1817 февраля 16-го въ крестовой церкви митрополита Амвросія, во время утрени Филаретъ совершилъ постриженіе Фотія въ монашество. Иннокентій пожелалъ быть его духовнымъ отцемъ. Внимаетъ постригаемый, какое ему будетъ имя новое; и се возглашаетъ Филаретъ: братъ нашъ Фотій постригаетъ власы свои и проч. Ему оно показалось необыкновенно, весьма странно. Приводятъ его Филаретъ и Инно-

кентій къ святителю Амвросію; и онъ лобзая вопрошаетъ его объ имени и говоритъ: знаешь ли ты, почему тебѣ оное имя наречено? Тогда онъ сказалъ ему: Не вѣдаю, владыко святыи, не знаю даже, кто есть Фотій во святыхъ; знаю только по исторіи одной, что нѣкто Фотій патріархъ былъ Цареградскій; онъ въ три дня возведенъ былъ во святѣйшій санъ свой; нѣсколько разъ возводимъ былъ и низводимъ съ онаго сана за православіе. Былъ мужъ премудрый, — столпъ церкви Христовой. Приходитъ вечеръ; ему отъ отца своего Иннокентія приказано готовиться къ посвященію во іеродіакона: во утрій день 11 февраля въ субботу архіепископъ Иринеи посвящаетъ его во іеродіакона. Дивится, радуется онъ, что предваряетъ его прошеніе званіе во іеродіаконскій санъ; но какъ дѣлалось все скоро, не вѣдаетъ. Приходитъ вечеръ и ему повелѣно быть готовымъ во утрій день недѣльный въ соборѣ Казанскомъ къ посвященію во іеромонаха. Онъ же отъ удивленія въ удивленіе приходитъ; посылаетъ милостыню идти роздать нищимъ довольную, дабы молили Бога о немъ. Настаетъ вторая недѣля великаго поста 18 день февраля; онъ слышитъ, что вмѣстѣ съ нимъ архимандрита Павла во епископа будутъ посвящать. Начинается служба, на ней же Павла во архіерея и о. Фотія во іеромонаха хиротонисуютъ. Весь въ восхищеніе пришедъ, не помнитъ даже, кто вѣнчалъ его около престола — Филаретъ или Иннокентій, покланяясь все творилъ къ сѣдющему святителю Амвросію; возложивъ же руки на него новохиротонисованный архіерей Павелъ, той его хиротонисуетъ. Приходитъ время преподать ему святыи агнецъ; возьметъ святитель Амвросій самъ агнецъ, а не Павелъ и сказуетъ о. Фотію святительское наставленіе... Особенно повліяли на него слова наставленія: не убойся за вѣру и церковь святую постояти даже до крове и смерти; онъ возвелъ очи свои горѣ и рекъ самъ себѣ въ той часъ ко Господу: даждь ми, Господи, благодать и силу и о имени Твоемъ се исповѣдаю Тебѣ у величества славы Твоея, вся терпѣть до смерти Тебе ради. Здѣсь же пріялъ онъ нѣкоторое извѣщеніе, каковое будетъ житіе его, како возстануть на него враги его и како Господь дастъ ему побѣдить всю силу вражію, смерти и ада и искоренить ереси противу св. вѣры. Но сіе откровеніе николиже никому не повѣдалъ... Послѣ литургіи всѣ отправились въ домъ на трапезу новато святителя. Званъ же и онъ былъ.

Вошедши въ домъ, онъ хотѣлъ, тайно прошедши, стать посрединѣ своихъ сверстниковъ — монашествующихъ, но митрополитъ Амвросій зоветъ его къ себѣ и говоритъ князю (Голицыну) и нѣкимъ прочимъ: Нынѣ два мы архіерея посвящали отца Фотія, что бываетъ весьма рѣдко, итакъ на немъ сугубая благодать и сугубъ духъ священства. И посемъ повелѣлъ ему взять подносъ велий въ руки, дабы всѣмъ поднесъ вино пить. Между тѣмъ къ нему тайно подошелъ новопосвященный архіерей Павелъ и сказалъ: Отче Фотіе! ты на мое мѣсто въ законоучители въ первый кадетскій корпусъ поступаешь. Радуюсь! Иди съ Богомъ...

Далѣе въ автобіографіи передается о томъ восторженномъ душевномъ настроеніи, которое Фотій испытывалъ въ первые дни монашества, — о томъ, глубокомъ и необыкновенномъ чувствѣ теплоты, восхищенія и радости, — которое трижды во время богослуженія посѣтило его и было понято имъ, какъ дѣйствіе благодати Божіей; — объ искушеніи расслабленія и унынія отъ монашества, которое возбудилъ въ немъ сродникъ его (дядя) рѣчами своими о скорбяхъ и трудностяхъ монашества, — затѣмъ о томъ, что Фотій вмѣсто перваго кадетскаго корпуса опредѣленъ былъ во второй, потому что законоучитель и настоятель этого корпуса іеромонахъ Теофилъ изъ-за непріятностей перепросился въ первый. Явившись къ своей службѣ, — въ корпусъ у гордаго начальника былъ принятъ у порога въ прихожей. Онъ судилъ по виду, что Фотій младъ, безъ браны и усовъ и монашескій санъ не былъ уваженъ. Кельи ему были отведены въ деревянномъ домѣ ²⁾. Учить Закону Божію ему поручено было кадетъ высшихъ классовъ шесть, дворянскій полкъ и особенно первый баталіонъ, а всѣхъ было около 4000 человекъ, и кавалерійскій эскадронъ около 400 человекъ.

Вступивъ въ подвигъ монашескій онъ старался служить въ каждое воскресеніе, каждый праздникъ божественную литургію самъ, все вниманіе прилагалъ, дабы церковная служба была сколько возможно точна по уставу. Изъ келій своихъ никуда почти не исходилъ. Во градъ вовсе никуда не ходилъ ни къ кому. Ходилъ токмо въ церковь и къ должности. Въ келью къ

²⁾ Въ одномъ изъ самыхъ глухихъ переулковъ Петербургской стороны.

себѣ женскаго пола никого ниже родныхъ не принималъ ³⁾. Облекшись во власяницу, кромѣ ея почти ничего не носилъ; а какъ сего мало ему показалось къ удрученію тѣла своего, сдѣлалъ вериги, терпѣлъ во всемъ всегда недостатокъ; какъ въ лѣтнее, такъ и зимнее время едино было одѣяніе ему для прикрытія тѣла. Обычнаго питія, чая сквернаго, сего поганаго идоложертвеннаго общенія не имѣлъ, и сосудовъ даже для теплоты не имѣлъ въ кельи, все отвергалъ приносимое.

Въ классахъ кадетамъ преподавалъ всегда стоя законъ Божій, просто, часто сказывалъ имъ языкомъ самымъ понятнымъ; благочестіе внушалъ имъ въ различныхъ повѣстяхъ святыхъ отецъ и ученіяхъ. Дворянамъ въ церкви съ отверстыми царскими вратами съ аналоя возвѣщалъ законъ Божій, вѣру, житіе и благочестіе. Къ нему всѣ стекались добровольно и усердно на послушаніе слова Божія.

Въ біографіи передается далѣе, что бѣсы нерѣдко смущали о. Фотія; они являлись ему и онъ боролся съ ними. Будучи смущаемъ по временамъ сомнѣніемъ о существованіи бѣсовъ, онъ самъ воочію желалъ видѣть ихъ не въ образѣ человѣческомъ, а въ настоящемъ ихъ видѣ. И вотъ на 6 декабря бѣсъ напалъ на него и хотѣлъ задушить его и только благодать Божія спасла его.

Лѣто 1818.

Сіе лѣто житія его начинается трудами и скорбями. Услышавъ Фотій, что тайныя общества франкъ-масоновъ и прочихъ нечестивыхъ и вольнодумныхъ людей умножаются. Многіе за честь и славу почитаютъ входить въ богомерзскія ихъ скопища. Начинаютъ приходить къ нему отступники тайныя, соглашаютъ его вступить въ содружество; духовныя дѣти, изъ кадетъ и дворянъ вышедшія въ чины военныя и статскіе, попадаютъ въ сѣти ихъ тайныя; приходятъ же къ нему яко дѣти, заклявшіеся ины

³⁾ Фотій всегда строго относился къ посѣщенію его женщинами. Въ письмѣ къ брату онъ писалъ 1821 года: ты гнѣваешься, что тебя съ женою не ласково принялъ; я съ тобою поступилъ, какъ монахъ. Когда я и мать свою по лѣту не принялъ, то жену твою принимать и впредь не буду.

таить тайну беззаконія до смерти, раскрываютъ тайны нечестія и богоотступленія. Книги въ множествѣ всякаго рода выходятъ въ свѣтъ противу Бога, вѣры, церкви Божіей, всякія святыни и истины. Нѣкоторые, сожженные своею совѣстію, люди изъ духовенства монашескаго и бѣлаго подѣлались сообщниками въ тайныхъ безбожныхъ скопищахъ, членами въ С.-Петербургѣ, Москвѣ и другихъ мѣстахъ. Литераторъ — мірскій человѣкъ, по имени Александръ Лабзинъ, яко Корей, Дафанъ и Авиронъ, дерзаетъ все дѣлать явно противу олтаря Божія. Восхищаетъ санъ учителя церкви, выходитъ на кафедру учительскую посреди столицы и яко оракуль кричитъ объ ученіи лжи, яко о истинѣ. Издаетъ онъ вторично Сіонскій Вѣстникъ снова. Издаетъ разныя книги, всякими нечестіями и заблужденіями о духовныхъ вещахъ исполненныя, подъ названіями духовными. Языкъ его изощренъ, какъ бритва. Онъ обрѣтаетъ себѣ покровительство у Престола. Министерство духовныхъ дѣлъ ⁴⁾ и просвѣщенія его слушаетъ. Кочубей и князь Голицынъ содѣйствуютъ ему; пастыри и учителя церкви, правящіе слово истины въ славнѣйшее время, просвѣщеннѣйшіе синодальные митрополиты Амвросій и Михайль по учительству, уму и разуму, Филаретъ, Иннокентій, всѣ монашествующія и бѣлыя духовныя лица безмолвствуютъ, или иные удивляются языку зловѣрія и силѣ нечестія, иные же почитаютъ враговъ вѣры, слушаютъ, общеніе имѣютъ съ ними, или ищутъ ихъ содружества ради мірскихъ видовъ. Библейское общество ⁵⁾ гордо выступаетъ и дѣйствуетъ; Лабзинъ и Поповъ, люди совершенно не имѣющіе никакого понятія о духѣ и истинѣ вѣры Христовой, въ переводѣ священныхъ писаній засѣдаютъ, яко богодухновенные, а вещь суть уста лжи, чада клятвы и діавола, направляютъ, гдѣ можно, искажать по своему священное писаніе новаго завѣта. Во время же сего прославляется подъ именемъ христіанки женка нѣкая Хвостова, яко богодухновенная: какъ посланія апостольскія, писма ея, исполненныя бабьихъ мудрованій, чествуются отъ первыхъ духовныхъ и ученыхъ. Восхваляется иностранка женка, безумная, нѣкто

⁴⁾ Министерство духовныхъ дѣлъ образовано было 1817 г.; во главѣ его стоялъ князь Голицынъ. Сторонники его называли патриархомъ.

⁵⁾ Открыто въ 1812 г. и закрыто въ 1826 г.

Криднеръ ⁶⁾ до того, что надъ главою ея парящаго Св. Духа изображаютъ сыны міра, въ картинахъ представляютъ и почитаютъ. Во дворцѣ Михайловскомъ, яко богинѣ языческой, поклоненіе Татариновой дѣлается, и она съ шайкою своихъ бѣснующихъ лжепророковъ покровительствуется явно отъ высшаго власти и князя Голицына. Столица исполняется масонскими ложами и тайными обществами. Лабзинъ начальствуетъ надъ ложею въ домѣ купца Антонова на Васильевскомъ островѣ. Законоучитель Теофилъ въ его ложѣ витіею состоитъ. Принимаютъ въ оную мірскихъ и духовныхъ людей; въ корпусахъ и учебныхъ заведеніяхъ замѣщаются мнорія и лучшія мѣста по вліянію тайныхъ обществъ людьми, которые въ обществахъ тайныхъ засѣдаютъ. Все сіе отъ очей монарха скрывается большею частію.

Въ сіе время Фотій получаетъ извѣщеніе свыше, что подобаетъ ему изыти на подвигъ противу тайныхъ всѣхъ обществъ. Во едину ночь видитъ онъ видѣніе: служу я всенощное бдѣніе въ своей корпусной церкви. Се вижу въ крестьянскомъ простомъ рубищѣ сѣромъ, спереди раздранномъ, т. е. съ полами, въ мірскомъ кафтанѣ, малъ ростомъ, Лабзинъ входитъ въ церковь и хочетъ вбѣжать въ царскія врата прямо, и не видя себѣ противящихся, вбѣжалъ въ оныя, и какъ приблизился ко мнѣ, я обратився вспять, схватилъ его за оба плеча, повернулъ лицомъ, и взадъ въ шею вытолкнулъ его изъ святаго алтаря, говоря ему тако: не подобаетъ тебѣ, нечестиве, враже, внити во врата святаго царскія, и быть во св. олтарѣ, мірянину суцу и скверному человѣку. Отъ сихъ и иныхъ откровеній Фотій сложилъ на сердцѣ, что Господь ему дастъ силу врага Лабзина изъ св. олтаря и церкви Божіей выгнать. Почему отселъ явно онъ началъ говорить въ св. церкви, въ классахъ, на дорогахъ, въ кельи своей и гдѣ случай былъ ему, противу тайныхъ обществъ, книгъ еретическихъ безбожныхъ, нечестивыхъ, всѣхъ злыхъ обычаевъ и властей воодушевлять сталъ противу врага и сущостата діавола и его ангеловъ.

Во время оно тайные дѣлопроизводители тайныхъ обществъ съ лицами первѣйшими духовнаго званія были въ такомъ сооб-

---

⁶⁾ Проповѣдывала особаго рода мистицизмъ и себя выдавала за пророчицу.

щеніи, что гдѣ одни, тамъ и другіе бывали. Враги такъ между духовными пресмыкались въ коварствѣ лести, что старались казаться благомыслящими, дабы не сомнѣваясь сущіе въ мірѣ удобнѣе въ сѣти ихъ попадали. Между тѣмъ многіе изъ духовныхъ, исполненные духа терпимости, были таковы вѣрою, духомъ, словомъ и дѣломъ, что не были истинно православные, но не были совершенно и еретики; духъ вольномыслія, духъ иновѣрный и духъ отступленія отъ истины обладалъ ими. Правящіе слово истины не видѣли, не слышали, не говорили истины и не творили пути праваго и дѣлъ Божіихъ; тайно и явно всюду подкапывалось отъ враговъ основаніе вѣры и церкви. Все стремилось по всеѣмъ частямъ къ преобразованію и мятежу на худшее. Духовные пастыри и учителя на все слабо смотрѣли, и дѣлали то, что какъ бы сами къ тому способствовать хотѣли. Филаретъ и Иннокентій молчали совершенно, чествовали великодушно издаваемые противухристіанскія сочиненія. Что дѣлать было? И въ помыслъ ему пришло сперва прервать союзъ между властями духовными первѣйшими, и врагами духовенства и православія. Ближе всеѣхъ былъ къ нему по сердцу блаженный Иннокентій. По времени приходилъ Фотій къ Иннокентію съ новыми повѣстями и донесеніями о врагахъ вѣры, како подвизаются они и успѣваютъ въ нечестіи своемъ и беззаконіи. Свыше, а не отъ человѣка научаемъ Иннокентій, по сердцу совершенно воодушевляемъ и тайно противу враговъ вѣры и церкви, вскорѣ началъ не благоволить въ пользу Библейскаго общества; скорбѣлъ о злой дерзости Лабзина, франкъ-масоновъ, Татариновой, Криднеръ; увидѣвъ вредъ самъ отъ книгъ мнимо-духовныхъ, но вещью бѣсовскихъ, оглашалъ, что книги Штиллинга, Эккертзгаузена, Гіонъ ⁷⁾, Бема, и прочихъ сочиненія подобныя, безъ числа во множествѣ издаваемые, суть духа вражія, на едино зло, и есть дѣйство тайны беззаконія.

Великій во время оно подвижникъ человѣкъ Божій, блаженный Иннокентій, великій даръ имѣя учить, началъ творить и учить съ духомъ и силою. Житія онъ былъ строгаго: ревность

⁷⁾ Француженка, проповѣдывавшая квінтизмъ: присвоивала себѣ даръ чудотворенія, апостольскую власть—вязать, считала себя супругою Христовою.

по Бозѣ имѣлъ велию: онъ былъ чтимъ много отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода князя Петра Мещерскаго. Вельми же любила его княгиня Софія Сергѣевна Мещерская; во свое время была она также велика жена и богомудрая. Въ сіе время были ревнители вѣрные и истинные Божіи разныхъ званій, но немногіе извѣстные: князь Петръ Мещерскій, человекъ благочестивый и кроткій; князь Сергій Шахматовъ (во иноцѣхъ Аникитъ); сенаторъ Матѳей Штеръ; Михаилъ митрополитъ; архіепископъ тверскій Серафимъ; но всѣ они втайнѣ скорбѣли, а явно устъ не отверзали. Вотъ все стадо, съ коими нужно было исходить на брань противу сатаны и аггеловъ его. Но изъ нихъ никто не соглашался за едино ни въ чемъ быть по православію, а токмо казались сами лучшими изъ всѣхъ къ дѣлу. Вотъ сколько было извѣстныхъ, но не надежныхъ рукъ во всей столицѣ, съ коими нужно было опереться на стѣну Вавилонскую, дабы обрушить ее до основанія.

Небезмѣтно же здѣсь сказать нѣчто о Филаретѣ, многученнѣйшемъ мужѣ своего времени и образователѣ всѣхъ отличныхъ ученыхъ духовныхъ заведеній. Отцу Фотію всѣхъ извѣстнѣе могъ быть и былъ по всѣмъ частямъ славный сей витія писатель, учитель, въ ученомъ свѣтѣ и предъ человекѣми—въ мірѣ. Филаретъ былъ сотоварищъ и сослужитель Иннокентію; а Иннокентій былъ Фотію наставникъ и отецъ, и все объ немъ повѣдалъ отъ юности, что зналъ самъ и замѣчалъ. Фотій отъ устъ его никогда ни единого слова не слыхалъ ни противу вѣры православной, ни противу церкви Христовой восточной; онъ молчаливъ былъ, кротокъ, тихъ, каждое слово его имѣло вѣсь и силу. Человекъ былъ исполненъ многого ученія: какъ начнешь, повѣдалъ отецъ Фотій, судить объ немъ отъ его словъ, его бесѣдъ, его образа житія, то не можно не почестъ его великимъ свѣтильникомъ учености; но какъ объ немъ многіе молвятъ свѣтители духовные и мірскія лица, православные ревнители вѣры и церкви защитники; то жаль преосвѣщеннаго сего мужа, коль объ немъ невыгодная молва всегда была и всегда есть. Онъ самъ виною помраченія славы земныя предъ Богомъ и славы сіянія въ мірѣ. Онъ засѣдалъ въ дѣлѣ перевода священныхъ писаній на простое нарѣчіе русское: дѣло же перевода Нового

Завѣта на простое нарѣчіе русское вѣчное и неизгладимое пятно на него наложило ⁸⁾. Не можно думать, чтобы онъ не могъ усмотрѣть важныхъ заблужденій, помѣщенныхъ и совершенно противныхъ греческому подлиннику и славянскому переводу, церковію принятому. Если кто подумаетъ, что Лабзинъ и Поповъ, правители, члены и сотрудники, вмѣстѣ въ томъ дѣлѣ содѣйствовали къ тому злу, то какъ можно было Филарету скл ниться на мнѣніе и дѣло людей мірскихъ, недостойныхъ сапога у него снимать, мужей явно враговъ вѣры и Бога. Подписавшіе переводъ Новаго Завѣта всѣ, кромѣ Филарета, преосвященные не искусны были въ знаніяхъ языковъ, слабы вѣрою и житіемъ, и сдѣлать могли все по невниманію своему; но Филаретъ не могъ того сдѣлать; у него каждое слово имѣетъ вѣсъ и силу въ простой бесѣдѣ. Иннокентій, говоря нѣкогда о переводѣ семъ съ Фотіемъ, сказалъ: плохое дѣло этотъ Новаго Завѣта новый переводъ на простое русское нарѣчіе, болѣе вреда принесетъ, нежели пользы, что и на самомъ дѣлѣ сбылось вскорѣ.

Едино воистину отецъ Фотій вѣдалъ то, что ко благу церкви Божіей въ преумноженіи вѣры православной и къ благочестію, и къ истинной пользѣ душеспасительной, при своемъ великомъ просвѣщеніи, Филаретъ ничего не сдѣлалъ, и дѣйствующимъ ни въ чемъ не содѣйствовалъ. Можетъ быть онъ втайнѣ и чаялъ дѣлать, что благо, но вещью никогда не успѣлъ явить.

Нужда подвигла отца Фотія мало-помалу противустать изданію „Сіонскаго Вѣстника“, ученію Лабзина, гдѣ онъ писалъ о магнетизмѣ, магіи и разныя бредни, нелѣпости и статьи изъ еретическихъ сочиненій почерпалъ. Гдѣ могъ онъ и имѣлъ случай, всюду объявлялъ злую цѣль „Сіонскаго Вѣстника“. Лабзинъ, видя вредъ, наносимый ему отъ обличенія, гнѣвался, Фотію разныя козни строилъ, вооружалъ нѣкоторыхъ противу его духовныхъ особъ. Самый Иннокентій даже былъ противъ его вооруженъ. Иннокентій былъ простъ умомъ и сердцемъ, и въ своихъ кельяхъ держалъ странныхъ духовныхъ людей; между тѣмъ и изъ тайныхъ обществъ былъ къ нему подсылаемъ, для узнанія всѣхъ рѣчей, явкто прослывшій духовнымъ чловѣвомъ, слѣпецъ.

⁸⁾ Здѣсь Фотій допускаетъ крайность. Переводъ св. писанія считается украшеніемъ и славою имени Филарета.

который все переносилъ, что узнавалъ у Иннокентія въ кельяхъ, Лабзину, въ секты Хвостовой, и прочимъ врагамъ вѣры.

Тайные агенты хотѣли всячески держать Иннокентія такъ, чтобы имъ онъ споспѣшествовалъ во всемъ, или молчалъ, и не могъ бы дѣйствовать онъ по внушенію Фотія и собзтвенному своему усмогрѣнію на Михаила митрополита и прочихъ. Въ оное время былъ союзъ любви, повидимому, между Филаретомъ и Иннокентіемъ, и яко друзи были, ближніе, искренніе, свѣтильники, подававшіе надежду собою во благо церкви. Всѣ такъ о нихъ думали, и отъ нихъ ожидали одного добраго, по православію. Враги же готовили новую какую-то библейскую религію ввести, смѣсь сдѣлать и православную вѣру Христову утѣнить. И все шло скорымъ шагомъ отъ успѣха къ успѣху, и уста зловѣрія брали верхъ надъ челоуѣками.

Когда законоучитель перваго кадетскаго корпуса Теофиль, ревностный сообщникъ всѣхъ масонскихъ ложъ, чтитель, членъ явный ложи Лабзина, во всемъ Лабзину помогавшій. изъ Санкт-Петербурга въ Одессу въ лицей отпразилъ законоучителемъ, оставилъ вмѣсто себя изъ духовныхъ преемника заблужденію, законоучителя морскаго корпуса іеромонаха Іова. Сего Теофиль неизвѣстно какъ прельстилъ и склонилъ до того, что онъ по отъѣздѣ его былъ въ ложу Лабзина введенъ и принятъ весною маія 7-го дня. По невѣдѣнію своему Фотій Іова избралъ вмѣсто Теофила духовникомъ своимъ, и любя его за скромность, жилъ не опасаясь ничего и ни въ чемъ его не зазирая. Вездѣ, гдѣ случалось, предъ лицомъ духовныхъ, пастырей и учителей, предъ военными, статскими чинами и властями, онъ не упускалъ обличать злую цѣль всѣхъ тайныхъ обществъ и возставать противу книгъ и распространенія, гдѣ можно, лжи.

Замѣчалъ онъ, что нѣкіе изъ сообщниковъ тайны беззаконія масонскія явно грозили ему лишеніемъ жизни, гордая о себѣ и уповая на вражескую силу, говорили ему, что во всемъ свѣтѣ не можно спастися ему и никому отъ силы и могущества масоновъ, имѣющихъ вліяніе на всѣ европейскія державы. Таковыя челоуѣческіе страхи и видимыя напасти не послабили Фотія но воспламенили его болѣе

Въ это время Фотій передаетъ о бывшемъ ему сонномъ видѣніи. Ангелъ Господень, взявъ его за плеча сзади, вознесъ на

край неба, гдѣ сказалъ ему: „Тебѣ много предлежитъ скорбей имѣть въ семь мѣрѣ; дабы ты не воскорбѣлъ отъ унынія вкуси мало сладости рая Божія“. Съ этимъ словомъ въ сердцѣ своемъ онъ ощутилъ несказанное услажденіе, веселіе, радованіе. Сказалъ же ангелъ Господень ему: „довольно сего будетъ тебѣ“. Посемъ воззрѣвъ, видѣлъ подъ собою долу море великое—океанъ, яко кожу овчюю, и всю землю, яко малый шаръ; и убоился весьма, и возопилъ къ держащему его ангелу: „Боюся. Господи, дабы не унасть въ бездну морскую“; и тотчасъ той его ангелъ поставилъ на прѣжней долинѣ прекрасной, гдѣ увидѣлъ себя стояща на ней на колѣнахъ, съ воздѣніемъ рукъ молящася. По семъ ему казалось, кто-то за нимъ есть: обратився, увидѣлъ, что стоятъ на колѣняхъ же Филаретъ и Иннокентій; и Филарету Иннокентій указуетъ перстомъ на Фотія, тихо говоря: „Зри, вотъ что Фотій дѣлаетъ“; а Филаретъ, быстро очи устремивъ, зреть въ безмолвіи на него; Фотій же какъ увидѣлъ сіе, желалъ, дабы никто не вѣдалъ, что онъ втайнѣ предъ Богомъ съ воздѣніемъ рукъ молился; престалъ отъ молитвы и явился имъ, яко буй есть, и будто не примѣчаетъ ихъ, уклонился въ путь свой.

Когда Іовъ, законоучитель морскаго корпуса, человѣкъ жизни воздержной, былъ введенъ въ ложу Лабзина; вскорѣ на него напалъ бѣсъ и свелъ его съ ума. Обстоятельства сего событія таковыя были: въ нѣкій день мѣсяца маія Іовъ потребовалъ себѣ церковника корпусной церкви, солдата, велѣлъ ему отворить церковь; какъ настоятель, Іовъ вошелъ въ оную, пришелъ въ алтарь святой къ престолу Господню; поставилъ чернильницу и положилъ ножъ на престолъ святой; растворилъ святыя царскія врата; стоялъ нѣсколько у престола Христова, бѣсъ его одолѣлъ, осквернилъ, и онъ испустилъ урину. Изшедъ въ царскія врата, какъ всѣ образа на холстинѣ были писаны, то образъ Божіей Матери, мѣрою въ ростъ человѣка невелика, съ верха до низа ножемъ разрѣзалъ. Увидѣвъ явно церковникъ злая дѣла Іова, бѣжалъ скоро и возвѣстилъ въ корпусѣ начальству. Когда прибѣжали въ церковь, въ рублищѣ, т. е. въ подрясникѣ Іова, обрѣтша дѣйствующа разныя ужасныя безчиства, то его бѣснаго взяли и повели въ келью его. Куда пришедъ, онъ бросался скочить въ окно съ четвертаго этажа на улицу и, разбивая для того

стекла, обрѣзалъ себѣ руки, но былъ удержанъ силою людей и изъ корпуса отведенъ въ Александро-Невскую лавру, къ своему начальству подъ присмотръ строжайшій.

Здѣсь онъ повѣдалъ: „не упомяну, какъ я сошелъ въ корпусную церковь, говорилъ онъ; но мнѣ внушено было послѣ вступленія въ ложу Лабзина 7 маія 1818 года, гдѣ я былъ принятъ и облеченъ въ нарядъ масонскій обычный, а верхъ покрытъ рубищемъ, т. е. подрясникомъ; отъ чего не упомяну, но ослабѣли мои силы, и я испустилъ скверну на мѣстѣ святѣ. Когда ввели меня въ келью мою изъ церкви; тогда, представъ мнѣ въ образѣ ангела чловѣкъ, говорилъ: воззри въ окно и виждь корабль на рѣкѣ Невѣ: это есть бѣдствующая церковь наша въ мірѣ; вскочи изъ окна сего внизъ, и убѣжимъ въ безвѣстныя страны; въ корпусѣ же хотятъ тебя сожещи за поступки сдѣланные; когда я, говорилъ Іовъ, боялся въ окно выскочить изъ четвертаго этажа, тогда предстоящій въ образѣ ангела бѣсъ говорилъ: виждь, послушай меня, я ангелъ есть посланъ возвѣститъ тебѣ како спастися: верзися долу и убѣжишь отсюду; казнь тебѣ готовится; что ты не вѣришь мнѣ, маловѣре“?

Спустя много времени, по ходатайству тайныхъ враговъ вѣры, посылаемыхъ изъ обществъ тайныхъ, дано было мѣсто Іову учителя въ новгородскомъ архіерейскомъ училищѣ; здѣсь онъ не могъ совершенно освободиться отъ заразы духовныя, явно училъ злу, ѣлъ явно мясо, хулилъ вѣру; почему уволенъ изъ онаго; послѣ будучи въ Архангельскѣ, онъ по собственному желанію лишенъ сана священства и монашества. Вотъ плоды тайныхъ обществъ.

Во время оно бысть лѣто и мѣсяць августъ, общества тайныя дѣйствовали противъ церкви св. и вѣры, имѣли вліяніе на всѣ начальства духовныя, враги срамъ и позоръ явно дѣлали надъ святынею, о духовенствѣ писались объявленія самыя постыдныя и всѣмъ во извѣстіе давались, отъ чего духовенство презрѣннымъ дѣлалось, всякая немощь публиковалась. Въ морскомъ корпусѣ церковь была осквернена явно, Пресвятая Богородица была поругана, въ образѣ своемъ явно изрѣзана, и столица отъ ужаса содрогнулась въ то время. Начальство же духовное какъ бы не видѣло и соблазна не знало, на все смот-

рѣло хладнокровно; не нарядило сдѣлать ни слѣдствія, ни розыска по сему важному происшествію о хулѣ на Бога и святую. Что дѣлать было? На сей случай катихизисъ масонскій ему данъ былъ въ руки отъ чиновника военнаго, бывшаго его духовнаго сына; то надъ онымъ о. Фотій сдѣлалъ надпись сію: „Катихизисъ масоновъ, вѣрующихъ во антихриста, діавола и сатану“; и далъ кадетамъ оный читать на время втайнѣ, дабы знали, что есть тайна беззаконія. Но забывъ о семъ, чрезъ нѣсколько дней услышалъ, что нѣсколько списковъ сдѣлано съ сего масонскаго катихизиса и надписи, и по столицѣ отъ учениковъ разнесено въ дома знатныхъ родныхъ. Молва огласила всю столицу, во что вѣрують масоны, страхъ молвы о покушеніи на жизнь Фотія проникалъ всю душу. Онъ же не могъ удержать духа ревности во время оное; нападя на него, духъ ревности по Бозѣ разожегъ его, и онъ гласомъ великимъ вопіялъ всѣмъ, всюду противъ сектъ и тайныхъ обществъ злыхъ, и, яко штурмомъ, своимъ буйствомъ хотѣлъ взять крѣпость вражію.

Вооружился на него инспекторъ корпуса, генераль Беберъ, начальникъ нѣкоей ложи подъ названіемъ квакерской, посредѣ корпуса въ дежурной каморѣ. Нѣсколько мѣсяцевъ сатана явно прельщалъ о. Фотія, что онъ Ілія пророкъ новый, внушалъ же, дабы при семъ случаѣ онъ, ревнуя по вѣрѣ правой за дѣло Божіе, нѣкое бы чудо сотворилъ, или хотя перешедъ по водѣ яко по суху противу самаго дворца чрезъ рѣку Неву; всячески онъ отбивался отъ сего врага лютаго. Однажды онъ увидѣлъ очами своими нѣкій свѣтъ, но не совсѣмъ сіятеленъ, весь, какъ утренній туманъ въ немъ, онъ стоитъ. Отъ сего видѣнія, нападаетъ на него страшный ужасъ, весь вострепеталъ, къ нему нѣкто предстаетъ милъ и сердцу сладокъ, сказываетъ втайнѣ, яко Сый съ нимъ; тогда не думая много, палъ на колѣни и возопилъ ко Господу, моляся: Господи, спаси мя, да не погибну: и се въ тотъ часъ исчезло привидѣніе. Во единъ день, мѣсяца августа, сатана, смущая его, смущалъ и иныхъ: онъ восхотѣлъ ѣхать въ лавру къ наставнику отцу своему Иннокентію, съ нимъ поѣхалъ діаконъ его Василій старецъ. Сей успѣлъ тайно внушить возлюбленному его отцу, что онъ съ ума сошелъ; отецъ, сіе скрывая отъ него, молчалъ и какъ бы за разными причинами задерживалъ его у себя, никуда его не вы-

пускалъ: вскорѣ онъ тайно внушилъ митрополиту Михаилу объ томъ же. Отецъ Фотій, послѣ сего пропикая, уразумѣлъ, что его, яко не въ полномъ умѣ сущаго, задерживаютъ. Между тѣмъ въ корпусѣ священникъ Іоаннъ слабаго житія, едино бывшій нѣкогда съ масонами, и діаконъ Василій огласили его, какъ сумасшедшаго. Сатана возвеселился, корпусъ смутился; знаменіи Фотія удивились, враги возвеселились, сродники ужаснулись. По столицѣ молва о семъ пронеслась, лавра вся знала, что съ ума сошелъ; многіе приходятъ къ нему въ келью отца, слезы льютъ о немъ, смотрятъ на него какъ на безумнаго, его остерегаются. Отецъ Фотій, сіе видя, молчитъ, не смѣетъ, что отвѣщать. Единъ, вздыхая ко Господу втайнѣ сердца; прохаживаясь въ саду въ лаврѣ, вопрошающимъ его о здоровіи говорилъ: время покажетъ, здоровъ ли я, или не здоровъ; кто имѣетъ здоровый свой умъ, тотъ увидитъ, въ какомъ я умѣ и здоровіи былъ, есмь и буду. Въ тайнѣ же сердца родилось дерзновеніе въ немъ до пролитія крови и самыя смерти, пока живъ будетъ на земли, бороться со всѣми тайными обществами.

Митрополитъ Михаилъ четырежды отца Фотія къ себѣ призывалъ на испытаніе, въ умѣ ли онъ: въ первый разъ полтора часа подъ видомъ разговора бесѣдовалъ съ нимъ и внушалъ, чтобы онъ противу масоновъ молчалъ, не вооружался. Продержалъ онъ Фотія около шести дней подъ присмотромъ. Но какъ онъ просился въ корпусъ, то потребовалъ его митрополитъ Михаилъ къ себѣ на лице. Бога ради, молю тебя, Иннокентій, отпуская его, говорилъ ему, скажи владыкѣ, что ты будешь молчать впредь; Фотій же не соглашался, но Иннокентій увѣщевалъ его согласиться. Наконецъ Фотій сказалъ ему: „Какъ Богъ внушитъ мнѣ, такъ я и сдѣлаю; если Богъ языкъ мой удержитъ отъ дерзновеній противу масоновъ говорить, то удержусь и умолчу, и тако далъ слово молчать“. Обрадовавшись сему, отецъ его благословилъ идти ко владыкѣ. Онъ вошелъ къ нему, позванъ имъ былъ въ гостиную большую; началась рѣчь о духовныхъ вещахъ. Митрополитъ спросилъ его, глаголя тако: „Будешь ли ты молчать противу масоновъ“? Фотій сказалъ ему: „Говорилъ, говорю и буду говорить, пока живъ буду, всегда противу масоновъ, всѣхъ враговъ и обществъ вредныхъ блгу св. церкви, царству и всякой власти законной: не ты ли вла-

дыко святой, поставилъ меня въ моемъ мѣстѣ, яко стража дому Божию? Что я говорилъ и говорю, дѣло благое мое дѣлалъ и дѣлаю". Тогда митрополитъ Михаилъ сказалъ ему: „Что же будетъ, когда министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, тебя великъ взять изъ корпуса и послать въ Сибирь, ежели ты будешь говорить?" Фотій ему на сіе сказалъ. „За дѣло Божіе, за дѣло вѣры и истины я не боюсь ссылки, слушаю я моего архіерея, а князь мнѣ сынъ, ученикъ: мнѣ дана власть творить и учить во всякой истинѣ; я давно готовъ до смерти терпѣть вся ради Бога; не хочу думать о боязни мірской". Прошло два часа бесѣды у о. Фотія съ Михаиломъ, той, сказалъ, наконецъ, отпуская въ корпусъ: „Богъ да благословитъ тебя въ семь умѣ и разумѣ быть всегда и да поможетъ благимъ твоимъ трудамъ". Отецъ же вопрошалъ его, когда онъ радуясь, пришелъ къ отцу своему и наставнику, что ему говорилъ владыка, а онъ ему сказалъ: „Иди самъ къ нему и что онъ о мнѣ скажетъ, тому и вѣруй". Бывъ и возвратився отъ митрополита Михаила, Иннокентій сказалъ Фотію: „Владыка тебя дѣйствительно отпускаетъ ѣхать въ корпусъ къ дѣлу своему и сказалъ мнѣ о тебѣ такъ: я желаю, дабы и вы (Филаретъ и Иннокентій и прочіе) были въ такомъ умѣ и разумѣ, какъ отецъ Фотій. Онъ Божій слуга, съ Богомъ пусть подвизается".

Заутра, рано вставъ, онъ ѣхалъ въ корпусъ. Кадеты были всѣ тогда въ классахъ. Всѣ, вставъ, кадеты, какъ любили премного, то заплакали видѣвшіе его отъ жалости, и отецъ Фотій прослезился самъ, вопрошалъ ихъ: „Отъ чего вы, чада возлюбленная въ Дусѣ Святѣ, слезно зрите на меня?" Они ему говорили: „Отче, намъ сказали, что уже тебя въ Сибирь сослали, и мы горько всѣ жалѣли о тебѣ". Фотій имъ за любовь сію поклонился низко и велѣлъ сѣсть. Также они сказали: „Слухъ пронесся, что будто, отче, ты внѣ ума въ темницѣ". Тогда Фотій сказалъ: „Чада, вы имѣете очи, то видите, вотъ я предъ вами, видите, въ умѣ ли я и разумѣ?" За то, что я противу волковъ хищныхъ встаю, дабы васъ, яко овецъ, не расхитили, то сатана навелъ на меня искушеніе великое". Молва тотчасъ пронеслась въ корпусъ, что Фотій живъ, здоровъ, въ умѣ и таковъ же, каковъ былъ; въ слѣдующій день служилъ божественную службу, какъ прежде всегда. Видятъ всѣ, что онъ въ умѣ,

разумѣ, кротокъ, тихъ; когда же приобщался съ Фотіемъ святыхъ таинъ священникъ Іоаннъ, виновникъ смущеній, лишь приль святая, весь задрожалъ и палъ подлѣ св. престола: духъ на него лукавый напалъ. Спасеніе во время оное Фотій за великое чудо почиталъ всегда въ житіи своемъ, болѣе всѣхъ чудесъ и за благодѣяніе болѣе всѣхъ благодѣяній.

Спустя недѣлю, для узнанія о его здравіи, требуетъ его къ себѣ Иннокентій; пришедъ онъ увидѣлъ сѣдящаго слѣпца у него и узналъ, что онъ живетъ у Иннокентія. Оный слѣпецъ приобщался святыхъ таинъ. Сей слѣпецъ зналъ много изъ Священнаго Писанія и сказывалъ. Въ одно время Иннокентій шелъ изъ церкви, слѣпецъ позади его, а Фотій позади слѣпца и еще коневскій пустынникъ нѣкто. Слѣпецъ, иднмаясь на крыльце, закричалъ: „Ахъ, что это? Кто меня палицею ударилъ по головѣ жестоко?“ Симъ слѣпецъ хитрый далъ знать, что акибы во отцѣ Фотіѣ духъ противный ему, и той ударилъ его. Фотій возопилъ къ своему отцу: „Отче! слѣпецъ сей есть тайный врагъ, яко Іуда предатель, тайный переносчикъ рѣчей въ тайныя общества и для того живетъ у тебя, а посему, какъ онъ шелъ посредѣ тебя и меня, то бѣсъ его ударилъ, не могшій стерпѣть силы Господней, съ нами сущей, но онъ хочетъ оклеветать насъ, что аки бы мы его ударили. Когда же въ келью пришелъ слѣпецъ и началъ учить Фотія смиренію, Фотій ему сказалъ: „Слѣпы ты душевно и тѣлесно; кто тебя поставилъ меня учить?“ и обличилъ слѣпца. Отъ обличенія Фотіева онъ онѣмѣлъ; Иннокентій же тотчасъ удалилъ его отъ себя. Иннокентій, будучи человекъ Божій, учитель церкви, просвѣтитель, былъ страннолюбивъ, готовъ былъ, не смотря на крайнюю нищету, принимать даже нищихъ и убогихъ въ кельи къ себѣ жить, дабы дѣломъ чему-нибудь научиться во благое.

(Продолженіе слѣдуетъ).

